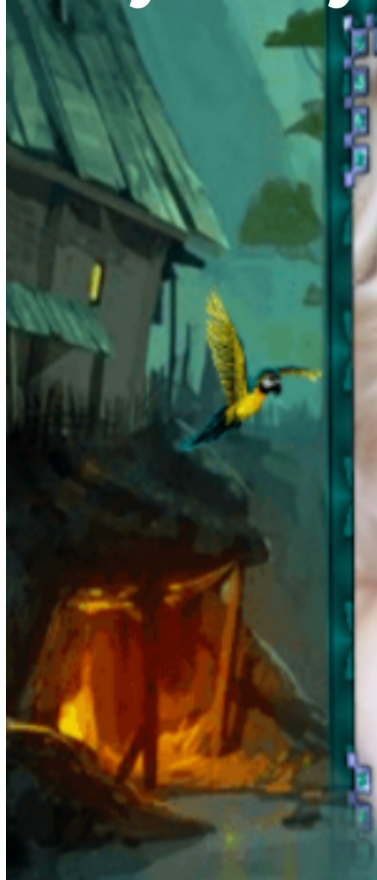

**Галина
Губайдуллина**

ЛЮБОВЬ К ФАРФОРУ

12+

Галина Ивановна Губайдуллина

Любовь к фарфору

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51774267

SelfPub; 2020

Аннотация

У Исидоры есть мечта – выпускать посуду из фарфора. Но женщин 19 века не пускают в бизнес. Это решается – её бизнес объявил своим отец. Не помеха и взрыв на фабрике... Но что делать с пьяницей-балагуром художником французского происхождения, который так и норовит поцеловать работодателя и сыпет ироничными фразами?!! Может, стоит попробовать прикрыться от нападков и соблазнений Дамским Комитетом феминисток?

9 сентября 1.752 года. Англия. Графство Дербишир. Город Дерби. Трактир «Солнечный».

Тепло осенью в Англии называют летом Святого Мартина. Поэтому сестра сэкономила на дровах, и Андре Планше, тёмноволосый парень двадцати пяти лет с небольшой бородкой и хитрой физиономией, лёг в постель в тёплом халате. В его ладони лежал листик лавра, который он сунул под подушку, чтоб увидеть пророческий сон. И ему приснилась ромашка. Вдруг этот цветок стал расти, гигантские лепестки всё удлинялись, пока не превратились в белые волосы. Середина соцветия превратилась в очаровательное лицо, а ствол раскололся, образуя ноги, и соскакивая с корня. Листья сгруппировались, обернувшись руками.

Трактир сестры и её мужа, в котором жил Андре, был старьёвый, и потому скрипел даже в безветренную погоду. От тонких стен доносился храп и стоны постояльцев в соседних номерах.

Андре раскрасил побеленную стену в этом номере огромными цветами. И теперь ирисы и лютики рвались от изголовья низенькой кровати до потолка. На посеребрившем льне штор от бесконечных стирок ещё видны голубые цветы с зелёными листиками. По всем углам номера стоят горшки с цветами и крупными растениями, а между ними краски, пачки бумаги с эскизами. У постели вместо коврика простой кусок ткани в синий цветочек.

Улица Бонд-стрит в центре Лондона с обилием магазинов для аристократов. В одном из особняков в спальне в стиле Людовика Пятнадцатого, где главенствовал рококо, в дорогом баньяне в кресле полулежал престарелый банкир и депутат палаты лордов пэр Джон Уинд граф Хит. Рядом на стуле сидела его старшая дочь Элизабет, красивая девушка двадцати двух лет, с рыжими волосами, как у отца. В комнате обилие венецианских зеркал с золотым обрамлением витиеватых узоров. Узорчатые балки потолка, узорный молдинг. Яркий ковёр в голубых и синих тонах. На множестве окон зелёные шторы из бархата. Зелёные атласные шторы над белой кроватью. На полу масса скульптур и больших ваз. Небольшой стол с загадочными опорами завален порошками и микстурами. Позолоченные основания светильников. Белый атлас накидок на креслах. Голубые стулья с позолоченными ножками и подлокотниками. На трёх стенах обои цвета мяты с белым рисунком, на одной – голубые с изображением ракушек. Поверх обоев декоратор пустил узорно золочёный толстый шнур. В камин вмонтированы красивые ракушки.

Родитель слабым голосом говорил дочке:

–Скажи сестре, чтоб выбирала наряды повеселее, не то своим унылым видом разгонит последних женихов. Есть у неё любимый цвет?

–Да, у Исидоры есть любимый цвет. Противно-серый называется.

В комнату вошла младшая дочь графа девятнадцатилетняя Исидора с белоснежными волосами и кукольной внешностью. Её тонкие чёрные брови привлекали внимание к большим серым глазам. На девушке вновь блёклое платье.

Граф заметил ей:

–Этот твой серый какой-то простоватый.

–Папа, я не люблю пошло-голубые тона,– возразила Исидора.

За ней вошёл доктор сорока лет, еврейского вида. Он осмотрел больного, поочерёдно посмотрел в глаза девушкам и спросил:

–Лорд Хит, Вам говорить правду или приукрасить немного, чтоб не сильно страшно было?

–Мы желаем слышать правду, мистер Бартоломью Сэлмон,– чётко выговорила старшая дочь графа.

Тогда как Исидора пустила слёзы, пряча лицо в платок.

Врач перечислял болячки:

–В желчном пузыре – камни, судя по желтушному цвету лица и специфических болях, в моче – песок, это я сужу по анализу... В лёгких, видимо, известь...

Граф перебил доктора, хихикая:

–Скажите: где у меня глина, и я начну строиться...

–В человеке есть камни?– удивлённо переспросила Исидора,– Откуда они берутся?

–Сие неизвестно... Не у всех они заводятся... Хотя... жизнь в загрязнённом Лондоне, видимо, сказывается...

ся... – заблеял мистер Сэлмсон.

Больной въедливо придирался:

– Вот у Вас, доктор, у самого зубы не совсем белые, а это ведь говорит о том, что нарушен обмен веществ! Видимо, Вы ведёте нездоровый образ жизни. Да, доктор? Как на счёт выпивки, курения?

– Достопочтимый лорд, разговор не обо мне. А о Вас, – напомнил эскулап.

– А помните, что всем советовал Плутарх? «Самое полезное из напитков, самое вкусное из лекарств и приятное из продуктов питания – это вино», – хитро припоминал Джон Уинд Хит.

– Херес под запрет, это крепкое вино, а вот вина послабже можно иногда... – говорил доктор, – Но не злоупотреблять! Иначе может быть даже летальный исход! Камни пойдут через печень, забьют её протоки, кровь и кожные покровы пожелтеют, а Вы упадёте в обморок, из которого навряд ли вернётесь...

Исидора зарыдала в голос.

Граф сморщился и сказал:

– Пишите свои рецепты, а ты, Элизабет, принеси реестр документов, я буду оформлять на вас с сестрой наследство.

После ухода врача старик пытливо посмотрел на младшую дочь и спросил:

– За Элизабет я почему-то спокоен, она вникла в дела банка, а на что хочешь потратить ты свои деньги?

–Я хочу открыть завод по изготовлению фарфора.

–Что за эпатажная выходка? Не шути так, дочь.

–Я серьёзно.

–Безумная затея! Ты ничего не смыслишь в этом деле!

–Я смогу.

–Исидора, ты – аристократка, а хочешь уподобиться выскочкам буржуа? Этим царькам, которые теряют голову от власти и творят чёрти что! Матерятся, дерутся, обзывают рабочих самыми последними словами, ну никаких этических ценностей!

–Папа, что за обскурантизм? За наукой будущее.

–Я не враждебен к науке, я боюсь за свои капиталы... Может, как все, займёшься сельским хозяйством?

Девушка усмехнулась, замотала головой и упрямилась:

–Не повторяйте ошибок – создавайте свои! Разве сельское хозяйство не приносит убытки? То наводнения, то ураганы, то засуха...

–Точно говорят: не пытайтесь понять женщину, она и сама не понимает половину из того, что творит! Запомни: ничто не обходится так дорого, как глупость.

–Папа, вспомни Исаака Ньютона, он был не просто физик, математик и астроном, но и государственным служащим! Совмещал научную работу с должностью директора Монетного двора.

–Ну, хорошо! Поедешь в город Дерби, там у меня есть друг, член Парламента и мэр того города Томас Риветт, он

поможет тебе разыскать некоего француза-художника Андре Планше, он неплохо производил и разукрашивал костяной фарфор в графстве Стаффордшир, работая на Уильяма Литтера, ныне переехал к сестре в Дерби...

–Француз? Что делает в Англии француз?

–Его родители – беглые гугеноты. Из недорезанных, – уточнял граф, ухмыляясь, – Вот, если уговоришь этого француза, то строй для начала мастерскую...

–Откуда Вы, папа, знаете об этом человеке?

–Моя дорогая, я по должности знаю о том, что происходит в королевстве. Будешь всем говорить, что это не твой бизнес, а мой, ведь женщин не воспринимают всерьёз, тем более таких красивых и молоденьких. Но перед тем, как уехать, обещаю съездить с сестрой хоть на какой-нибудь захудалый бал. Что у меня за девицы, которые не любят танцевать и веселиться? Надо подарить вам рубины в золоте, говорят, что они позволяют найти своего мужа и навсегда.

Исидора скуксилась:

–Выход в Свет? Увольте меня, это требует слишком много душевных усилий. Эта вычурная аристократия давит на меня своей фальшью отношений. Приторные, натянутые улыбочки, ужимки...фу!

–Я сказал: на бал!

–Как скажите, папа, – сконфузилась младшая дочь.

–Но, папа, Лондонский сезон закончился в августе. Все мероприятия в столице происходят с февраля по август, – на-

поминала старшая дочь,— Разве мы попадём в приличное место?

—Не ваша забота,— одёрнул её отец,— Всегда были и будут свадьбы, крестины и прочие праздники.

Исидора в здании женского движения за освобождение и равноправие разглядывала женщину, которую ей представили: феминистку Оливию Джонсон. Женщина средних лет, ничего особенного.

Элизабет рассказала ей о планах сестры и о протесте отца.

—Очередные ограничения для слабого пола?!— вскинулась Оливия Джонсон.

—Но отец уступил моим просьбам,— успокоила женщину Исидора.

—Такая блистательная дама должна назло мужчинам добиться успеха,— подхватила феминистка,— Подари же себе свободу, будь смелой, сама верши судьбу.

Неожиданно для младшей сестры Элизабет подхватила:

—Если мы не будем требовать равных прав — мужчины никогда нам их не дадут.

Оливия нахваливала графиню Элизабет Хит:

—У неё активная позиция в нашем коллективе, она самоотверженно борется с мужским шовинизмом. Все мужчины хотят, чтобы мы вышивали крестиком, и к старости из-за этого ничего не видели. Они б тогда подсовывали нам макет себя, а сами бежали к другим дамам.

И вдруг Оливия провела рукой по спине Исидоры, пощечотав. Та восприняла этот жест, как неосторожность. Она не могла допустить, чтобы женщина пыталась грязно с ней, девушкой, заигрывать.

Мисс Джонсон принялась рассказывать о Кристине де Пизан и её публикации в 1504 году «Книге о женском городе». О Мэри Эстелл.

Она заученно передавала текст:

–Мисс Эстелл писала: «Мужчина и женщина обладают одинаковой способностью к разуму, и, следовательно, должны иметь равный доступ к образованию». Ещё она говорила, что для женщины завоевание каких-то жалких сердец просто унижительно.

–Да, мужчины сами должны падать к нашим ногам,– решила пошутить Исидора.

Мисс Джонсон взвилась:

–Да Вы просто враг цивилизации.

Она обиженно отвернулась.

Элизабет поспешила увести сестру.

На улице старшая сестра делилась с младшей:

–Меня раздрает раздвоенность: я хочу идти за лидерами Дамского комитета, но мне жаль отца.

–В Парламенте его поймут. В наше время много женщин вступили в ряды феминисток.

Но дома было ошибкой со стороны Исидоры рассказать отцу за ужином правду об их месте пребывания.

Граф Хит с ехидным вызовом отчитывал:

–Ничего не скажешь – замечательные дочери! Вот, Элизабет, ты вовремя не вышла замуж, так теперь занимаешься всякой ерундой!

Старшая дочь вскинулась:

–Дамский комитет не ерунда!

–И родне покоя не даёшь!– не унимался отец.

–Папа, позволь мне самой решать, как распоряжаться своим свободным временем! Современная женщина закреплена правилами поведения и порабощена социальными запретами, такими глупыми и необоснованными, как запрет на право голосования!

–Вам, аристократам, предоставляется привилегия, не работая, пользоваться всеми благами мира! А от безделья некоторые из вас начинают придумывать игры. Кто-то учиться вязать носки, кто-то путешествует, а Исидоре, например, вынь да положи фарфоровый завод.

Элизабет заметила родителю:

–А Вы, папа, сами же решили её поддержать и потворствуете её безумствам.

–А чего ты испугалась? Что наша девочка вдруг вырастит? Пусть проявит себя. А на следующей неделе на бал безоговорочно!

Исидора поникла.

Джон Уинд Хит ругал её по-доброму и далее поучал деток:

–О, скучсилась! Лондонский бомонд даже и не видел твоих совершенных черт! Почему ты отказывалась посещать балы? Может, нынче достойный кавалер присмотрит тебя... И запомните: наличие мозгов у женщин, зачастую, пугает мужчин, так что на балу побольше глупо хихикайте.

Дочери кивали.

Перед поездкой на бал сёстры решили погадать. Кухарка купила двух живых петухов и курицу.

Девушки на кухне установили зеркало на полу, выпустили курицу, поставили поилку с водой и тарелку с зерном, где возлежали золотые предметы.

Элизабет объясняла младшей сестре правила гадания:

–Это древний вид предсказаний. Называется алектриомантия. Если птица идёт к зеркалу – жених будет красивым и нежным. Идёт к миске с водой, то будет муж горьким пьяницей. К зерну – богатый. А если к курице – бабник. Мой белый петух.

–Тогда мой чёрный, – кивнула Исидора.

Запустили белого петуха. Тот постоял посреди кухни, разбежался и вылетел в открытое окно.

Младшая сестра вопросительно уставилась на старшую.

Та пояснила, пожав плечами:

–Не в этом году быть мне невестой.

Исидора выпустила из клетки чёрного петуха. Тот в развалочку прошёл к зеркалу, покрасовался и отправился пить

воду. Гадающую это покорило.

Элизабет же расхохоталась:

—Будет у тебя пьяница-муж, но красивый и нежный.

На бал Исидора надела серое платье из плотного французского шёлка с золотыми цветами и с кружевами в виде большого воротника цвета тёмного золота.

Белый лиф платья Элизабет тоже отделан золотыми печатями краски. Пышная верхняя юбка из жёлтой вуали припорошена в двух местах, и там сияли белые розы из ткани. Рукава из той же жёлтой вуали на резиночке крепились к предплечью и были припорошены резинками в нескольких местах, создавая «фонарики». Из под белого основного платья проступала нижняя юбка из нежнейшей вышитой белой вуали.

У обеих сестёр надеты лёгкие светлые туфли, расписанные миниатюрами. Тогда как у многих в зале были красные каблук, как знак принадлежности к аристократии, модные ещё со времён Людовика-Солнце.

У некоторых молодых людей в руках модные лорнеты, а белые парики с косичками и бесчисленные пуговицы на камзолах и жилетах поголовно у всех мужчин. Дамы вертели в руках не только веер, но и бонбоньерки с конфетами.

Одна престарелая леди умилилась со слезами на глазах:

—Как возвышена Ваша сестра мисс Элизабет Хит, да мисс Исидора Уинд? Она опустила глаза и не удостоила взглядом ни одного мужчину.

—Да, в её голове лишь мифы Древней Греции да стремление возвысить женщин к рангу мужчин. Она по мере возможности борется с любой несправедливостью.

—Как же она собирается руководить банком? С её-то нежной душой и слабым характером... Одна надежда на умного мужа...

—Думаю, моя сестра научится быть твёрдой.

—Я бы Вам, милочка, посоветовала приглядеться вон к тому кавалеру в одеянии цвета охры, с которым Вы танцевали мазурку. Он глаз с Вас не сводит.

Исидора обратила свой взгляд на претендента в женихи. Внешность русого молодого человека была неброской, лицо портили раскосые да ещё и миндалевидные глаза.

Пожилая леди тут же дала оценку и младшей дочери графа Хита, удостоив ту своим вниманием:

—А Вы, дорогуша, обводите всех присутствующих взглядом полным достоинства и величия, словно королева.

Элизабет спасла младшую сестру от докучливой особы.

Та жаловалась ей:

—Вот и лезут эти тётушки в нашу жизнь... Давят на нас своим житейским опытом...

Отец тоже присутствовал на балу, поглядывал на дочерей, беседовал то с одним, то с другим лордом. Вдруг он подошёл к дочерям, ведя за собой того молодого человека в костюме цвета охры.

Представил дочерей.

Представил своего спутника:

–Дочки, а это лорд Николас Балстрод. Он приглашает вас в оперный театр Ковент-Гарден. Я дал своё согласие. Поедите с тётушками.

Николас нетерпеливо проговорил:

–А сейчас я хотел бы пригласить мисс Исидору Уинд на танец.

Когда лорд Балстрод вёл красавицу, все мужчины завистливо поглядывали на них.

Исидора задала прямолинейный вопрос, не очень уместный в их высших кругах, и потому звучащий странно:

–Милорд, а Вы – любитель горячительных напитков?

–Я всегда знаю меру, – заверил жених.

Но молодая леди имела нескромность посмотреть на него с долей сомнения.

Через пару недель Исидора Уинд пила чай с молоком у мэра города Дерби Томаса Риветта.

Тот деловито обрисовывал портрет художника Планше:

–Он как-то был у меня на приёме в мэрии. Парень обладает обаянием и перспективными проектами. Я слышан, что в Стаффордшире он обладал большой работоспособностью.

–Я хочу найти его.

–Говорят, он поселился у сестры в трактире «Солнечный». Пошлите туда слугу и узнайте. Значит старина граф Уинд Хит приболел... Как жаль... Да, годы берут своё...

Трактир «Солнечный» находился у каменного коричневого моста через спокойную реку. По глинистым берегам реки Деруэнт местами росли кустарники. Трава после первых заморозков кое-где пожелтела. По бокам заштукатуренного здания росли огромные деревья диких яблонь с изрядным количеством красных плодов. Белая известь на стенах сияла в лучах солнца. Оконца были маленькие, но изобильно посаженные друг возле друга на втором этаже, где, видимо, располагались номера.

У искомого трактира рыжий слуга Марк Мэйс, человек среднего возраста, убеждал хозяйку:

—Леди Уинд, Ваша утончённая душа взвояет от ругательств, исходящих от матросского сброды, простого люда и пьянчуг.

Но Исидора смело вошла в заведение для низших слоёв общества. На неё изрядно пахло перегаром и запахом немытых тел.

В углу продавали газеты, как и в кофейнях Лондона. Среди местной прессы были и лондонские «Таймс» и «Морнинг пост». Люди покупали прессу, обсуждали события в городе и стране.

Грязно ругались матросы. Сально шутили и оценивали леди пынчужки.

—Нам бы такую кралю!— неслоь со всех углов.

—Может, она здесь жениха ищет? Хи-хи! Эй, я подойду?—

хихикал какой-то противный старичок.

Девушка поймала взгляд взъерошенного с небольшой бородкой парня в шляпе на макушке. Его непристойный взгляд обшарил все выпирающие места на теле девушке. Хотя она и была в тонком тёмно-сером пальто, но шарф слетел и обнажил обширный разрез тёмно-зелёного платья. А Андре Планше переключил взор на её глаза, и долго не мог отвести своих глаз от её красивого лица, запойно разглядывая такие совершенные черты. Ему казалось, что красавица вплела россыпь звёзд в волосы. Но он успел отметить, что девушка консервативна до мозга костей. И держится так, будто вся Англия принадлежала ей.

Андре допивал с молодым другом трубочистом Франклином Ваттоном бутылку дешёвого вина, в их кружках выпивка плескалась на дне. Из закуски на столе на одном блюде серела ливерная колбаса, а на другом лежало несколько кусочков жирной солёной селёдки.

Исидора заявила:

—Я ищу мистера Андре Бланше.

Француза покорило от неправильного английского произношения его фамилии да ещё на какой-то женский манер, как имя Бланш.

Напарник Андре по выпивке поправил девушку:

—Не Бланше, а Планше. Не мистера, а мсье, он же француз... Этот парень вчера тут так надрался, что избил двоих, разбил уйму глиняной посуды и убежал от полицейских.

Андре довольно усмехнулся, вспоминая вчерашние подвиги.

Слуга Мэйс тупо хлопал глазами, стараясь смотреть в пол. Девушка спросила:

—И где сейчас бродит это злобное чудовище?

—Оно перед Вами, мисс!— гаркнул парень, который не спускал с неё глаз.

Щёки леди покрылись румянцем. Она всё ещё держалась на приличном расстоянии.

Заявила:

—Для художника Вы довольно-таки крепкий...

—Дрова люблю рубить...

—И молодой... И красивый...

—Да, когда я ем протухшую колбасу, то бываю очень красивым...

Исидора повернулась к слуге и пространственно ему говорила:

—И это эксперт в фарфоровом деле? На специалиста он мало похож, больше на пьянчужку.

Слуга угодливо поддакнул.

Андре хмыкнул, обращаясь к другу-трубочисту:

—Можно подумать, что эта кисейная барышня что-то знает о производстве фарфора!

Леди пылко отвечала:

—Но я очень люблю фарфор! И хочу наладить выпуск фарфора в этом городе.

Парень деловито узнавал:

–Сколько платить художнику собираетесь?

–Ага, сменили тон! Деньги нужны?

–Меня деньги не волнуют, они меня успокаивают.

Девушка недоверчиво изрекла:

–Но Вы ведь дружите с алкоголем.

–А чего мне с ним ссориться?

Трубочист вздохнул:

–Когда сердце разбито, то спасает крепкая печень.

Исидора сверлила взглядом опустившего глаза Андре, узнавала:

–У Вас проблемы в семье?

Тот бурчал:

–Нет работы, нет девушки – нет проблем! Вот выпьешь и на ковре-самолёте несёшься в неведомую страну, где все улыбаются и рады тебя видеть.

Леди села рядом с французом на стульчик. Растерявшийся слуга Марк Мэйс сел возле трубочиста.

Над ней нависла темноволосая сестра художника Тельма Латса:

–Заказ делать будите, мисс?

Муж Тельмы Удард Латса сердитый бородач, тоже из французов-гугенотов, пылливо вглядывался на пришедших из-за стойки бара.

–Принесите мне кофе, а слуге какого-нибудь жареного мяса,– быстро проговорила Исидора, а Андре она заметила,–

Жирные сорта рыбы придают вину противный металлический привкус, как Вы это пьёте?

—А вам, аристократам, не понять,— огрызнулся парень.

Тельма хитро покосилась на красивую дамочку, хмыкнула, и пошла исполнять заказ.

—А Вас никто не просвещал, что в современном, гуманитарном обществе принято вежливое обращение с дамой?

—Ныне же женский пол рвётся к доминированию. Желают общаться с мужиками на равных. Вот и Вы хотите построить фарфоровый завод, хотя в Дерби три года назад свою третью фарфоровую мануфактуру открыл Уильям Дьюсбери. Не боитесь конкуренции?

—А Вы консерватор? Боитесь потеснить место у правящих кругов для женщин?

—Уж не из Дамского ли Вы комитета?

—Вы считаете меня феминисткой?— растерялась поначалу Исидора, но затем решила выдать себя за новаторшу новых идей,— Ну, да, я была в их обществе...

—Вот почему Вы ведёте себя здесь совершенно свободно... Феминистки — это те, кто не любят мужчин?

—Ну... Не совсем так... Скорее: мы не уважаем мужчин.

Андре с интересом разглядывал её, с насмешкой констатируя:

—Не уважаете сильный пол, но требуете уважения к своему слабому полу... Как глубокомысленно... Итак, Вы задумали разрушить космическую полярность, основанную на дуализ-

ме мужского и женского начала?

–Я доверяю идеалам эволюционного прогресса,– пролепетала девушка, не ожидавшая от простого пьющего парня таких речевых оборотов.

–А, так Вы за то, чтоб люди перестали размножаться?

–Что у Вас за смелые выводы?

–А женщинам некогда будет заниматься семьёй, если они будут заниматься бизнесом, политикой, спортом...Разве на олимпиадах в Древней Греции были женщины?

Тельма принесла заказ. Перед Исидорой возникла чашечка из костяного фарфора. Она сразу поняла, что это подарок сестре, и это работа самого Планше. Полупрозрачная структура фарфора отдавала голубым тоном и была разрисована музами танцующими вокруг Аполлона.

Слуга Мэйс с аппетитом принялся уминать жареные рёбрышки.

Официантка вернулась за стойку к мужу.

Андре напомнил леди, разглядывающей рисунок на фарфоре:

–Сам прекраснейший Аполлон вдохновляет художников на искусство.

–Он – предводитель всех муз,– прошептала Исидора.

–Значит, хотите вложить деньги в мануфактуру? А Вы знаете, что общество прощает преступников, но не мечтателей? Вам будут всю жизнь припоминать все Ваши неудачи.

–А мой беспристрастный взгляд на Вашу жизнь говорит,

что Вы прозябаете в грязи и сомнительных удовольствиях.

Трубочист обиженно покосился на грязные обшлага своего сюртука.

Художник тоже обозлился:

—А если я пошлю Вашу великосветскую задницу ко всем чертям?

—Грубо и неразумно. Вы же не дослушали меня до конца.

—А, ну да, чего ради святоша в виде Вас припёрлась бы в кабак. Не за спасением же пропащих душ. Желаете вогнать меня в кабалу, в рабство?

—Я предлагаю Вам высокооплачиваемую работу. Отец при жизни хочет знать: куда мы с сестрой потратим наследство. Он боится, что мы всё раздадим бедным или на нужды Дамского комитета.

—У Дамского комитета есть нужды?— осведомился Франклин Ваттон.

—Конечно! Кому на учёбу ссудить, кому на приданое, кому на суд против мужа,— вспоминала разговоры сестры Исидора.

Андре хитро прищурился и как бы безразлично протянул:

—Невежливо отказывать столь высокотитулованной особе, я, пожалуй, соглашусь быть Вашим художником. Но почему Вы решили вложить приданое именно в фарфор?

—Грядёт новое время. Скоро у всех будет фарфоровая посуда. Одна за другой хозяйки отказываются от глиняных тарелок, приобретая изящные, сверкающие фарфоровые.

–Резонно,– закивал художник.

–И строить мы будем от имени моего отца, в обществе не приветствуют женщин, занимающихся бизнесом.

–Факт,– вновь кивнул француз.

–Но надо что-то делать с Вашей пагубной привычкой напиваться,– заметила дама,– Ещё древние греки давали людям намёк: вакханалки, которые следовали за Дионисом, убили Орфея. У пьющих нет ценностей в мире искусств. Вы ждёте, когда вакханалки изуродуют и Вашу душу?

Андре юродствовал:

–Именно вакханалки вывернули недавно не только мои карманы, но и душу, не забыв разбить сердце.

Как бы оправдывая приятеля, Франклин пояснил:

–Его бросила любимая женщина.

Исидора успокаивала парня:

–Не надо преувеличивать с жизненными проблемами. Вы здоровы и молоды, а это прекрасно.

–А благодаря Вам ещё и работой буду обеспечен... – протянул француз.

–И знайте: без религии Вы беззащитны,– на полном серьёзе уверяла леди, стараясь повлиять на нужное ей решение выпивохи.

–Неужели?– искренне удивился художник.

–Ангелы не придут Вас спасти в трудную минуту, если Вы не будите им молиться.

–Диван мне в мастерскую поставьте. Я люблю думать на

МЯГКОМ.

–Да, начнём с маленькой мастерской, некой проектной. Я арендовала одно из складских зданий фабрики по производству шёлка. Структура фарфора тоже очень важна. Любые изменения в химическом плане повлияют на качество.

–Может, будем придерживаться моих наработанных принципов и не изменять ингредиентов?

–Но тот мастер так хвалил формулу...

–А Вы уверены, что узнали точный рецепт изделия? Как я знаю, это великие тайны фамильных мастеров.

–И ещё я бы хотела удешевить фарфор, чтобы его могли покупать люди и с небольшим достатком.

–Дешёвый фарфор тогда должна будет украшать менее изящная роспись,– вторил Андре.

–Само собой разумеется. То, что идёт на поточное производство должно быть более примитивное. Для Вас же чисто творческая работа для элиты. Надо будет также нанять несколько художников, которым Вы покажите: как быстро можно нарисовать одни и те же сюжеты и узоры.

–Покажу... Хотя настоящему мастеру подмастерья платят за это,– замаявшись отвечал художник.

–Вы будите получать за учеников дополнительную зарплату,– согласилась работодатель.

Француза утомила болтовня, он зевнул в сторону стены.

–Это очень важная часть разговора, а Вы позволяете себе зевать!– возмутилась леди.

–Будьте уверены, когда мы перейдём к самой приятной части беседы об обговаривании моей зарплаты, я буду подобающе взволнован и заинтересован,– заверил Андре.

Исидора шепнула ему сумму на ухо.

–Заманчивое предложение,– расцвёл хитрой улыбкой француз.

Предпринимательница прощалась:

–Мистер Планше, жду Вас вот по этому адресу через неделю к одиннадцати часам утра, сейчас там ремонт. К тому времени подготовьте эскизы, вот Вам деньги на бумагу и краски.

–До свидания... а, кстати, своего имени-то Вы не назвали.

–Исидора Уинд,– с этими словами девушка встала из-за стола.

Слуга быстро поднялся, следуя за хозяйкой.

Леди расплатилась у стойки бара за еду.

Она пробурчала под нос:

–Какая-то сумятица в душе.

Мэйс подумал, что говорят с ним и добавил:

–Да, какой-то пьяница этот Планше.

–Красивый этот пьяница,– вздохнула Исидора.

–Ещё с десятков лет так попьёт и красота исчезнет!– уверенно заявил слуга.

Андре тоже мечтательно смотрел на уходящую Исидору, с его губ сорвалось:

–Эта леди уж очень хороша...

Друг трубочист изрёк:

–Даже не мечтай. Боги никогда не опустятся до смертных. Я слышал о фамилии Уинд. Её папаша граф Хит.

–Да я просто преклоняюсь перед красотой...как художник...

–Как давно у тебя не было секса?

–О-о-о-очень давно. После Агаты у меня отвращение к женщинам.

–Немедленно займись вон той шлюшкой, иначе наломаешь дров с этой леди...Посадят ещё...

–Не смей меня, друг Фрэнк! Где я, а где она. Такие видят в нас только рабов.

С соседнего столика какой-то острослов шутил над ним:

–Он оценил её дорогие наряды, понюхал её парфюм... Вот так: посмотрел, понюхал...на том и кончилась его любовь.

Француз во всеуслышание заявил:

–В колчане моего Амура кончились стрелы. Я не хочу никого любить.

Тот же остряк третировал:

–Амур – шалун, он не спрашивает жертву: готова ли она любить.

Франклин спрашивал у друга:

–Андре, а чего ты путался с этой несуразной Агатой? А ещё имеешь художественный вкус...

–Я думал, что некрасивая баба не будет много требовать и изменять. Но я ошибался.

В Лондонском доме Исидора проснулась рано, решила заглянуть к сестре в спальню.

Зашла неслышно. В комнате сестры на обоях белая и коричневая в узор полоса. На стенах круглые панно с изображением роз. Посредине спинки белой кровати круг с гербом графов Хит. Балдахин из белого газа. По углам кровати большие кадки с цветущими розами. Прикроватные тумбочки заставлены фигурками из фарфора, кои подарила Исидора. Бежевый ковёр. Белая громадная люстра из фарфора. У стульев мягкие сиденье и спинка, они обтянуты бежевой тканью.

Элизабет примеряет рубашку отца.

Младшей сестре это показалось смешным, она прыснула в кулак. Рукава болтались, большой размер одеяния пузырился на стройном теле девушки. Но после Исидоре сделалось страшно: «Сегодня сестра примерила мужскую одежду, а завтра вдруг захочет роль мужчины в постели?»

И она критично сказала старшей сестре:

–Послушай, Элизабет, это одеяние на тебе нелепо. Не уродуй свои прекрасные формы.

Та смутилась, сняла рубашку и облачилась в халат.

–Ты приехала поздно, я не видела тебя вечером. Рассказывай: тебе удалось уговорить художника работать на тебя?

–Да. Но он совсем не раболепный! Колючий, словно терновник.

–Ты к такому не привыкла,– улыбнулась Элизабет,– Так

знай, что на свете существуют ещё и хамы. Низкое сословие кишит нахалами и грубиянами. Когда мы отвоюем свободу для женщин, надо заняться воспитанием рабочих, их образованием. Видать, все беды от незнания.

– Не только. Нужны ещё достаток и стабильность. Но художник – умный молодой человек, такой начитанный...

– Работал на знать, видать: брал книги...

В назначенный день Андре Планше стоял у кабинета на-нимательницы, теребя в руках эскизы. Дама опаздывала.

В коридоре послышались женские голоса.

Элизабет спрашивала у сестры:

– Тебе миссис Хуберт не вернула долг?

– Нет, – отвечала Исидора.

– А общество любителей природы?

– Тоже нет.

– Ладно, я сама съезжу и туда, и туда, поговорю с должниками. Так тебе папиных денег не хватит и на год... Миссис Хуберт, кстати, получила компенсацию из зала суда, а не торопится рассчитаться с тобой... стерва.

– Да? И много выиграла у мужа?

– Очень приличную сумму.

– Как жадны люди...

– Очень жадны. Скупердяи все вокруг... кроме тебя. Надо быть осмотрительной, а не швырять деньги направо и налево.

Девушки поравнялись с Андре.

Исидора представила его:

–Элизабет, а вот и мой художник – мсье Планше. А это моя сестра – графиня Элизабет Хит.

–Добрый день,– снял шляпу француз.

–Добрый день, мсье Планше,– отвечала старшая сестра работодателя, разглядывающая его с интересом,– А Вы верите в социализацию древних инстинктов наживы в цивилиность и стабильность для граждан?

–В благие намерения, честно сказать, я верю с трудом, мисс Хит,– отвечал парень.

Исидора открыла ключом кабинет. Пригласила войти сестру и художника жестом.

На старшей сестре было бежевое атласное платье, густо расшитое коричневыми цветами с добавлением серебряной нити. Фиолетовая накидка. Её шляпка больше напоминала клумбу: феерию бежевых роз разбавляли фиолетовые виолы.

На младшей сестре платье из тёмно бежевого бархата с наклеенными цветами. Бежевая небольшая шляпка с волнами золотых кружев по бортам. В центре шляпки возлежали мелкие белые цветочки с двумя жёлтыми листиками, будто упавшими с осеннего дерева. Дама сняла длинное пепельного цвета пальто, и обнажились рукава в золотую сеточку с бантиками. Француз положил рисунки на стол и галантно взял из рук леди верхнюю одежду и повесил на вешалку.

У большого окна стол с позолоченными украшениями.

Такие же стулья. На окне белая тюль и шторы цвета терракот. Стены покрасили красно-коричневой краской. На этажерке небольшая стеклянная ваза с цветами. Две объёмные, но простые люстры. На полу светлый паркет.

Андре, немного смущаясь, предлагал:

–Взгляните, как мои видения обрели форму.

Сёстры склонились над ними, стали перебирать. На одном эскизе изображалась живая земля – Гея, её дети – нимфы холмов и лесов танцевали в её волосах и щеках.

–Гамадриады, нимфы деревьев, слишком зелены, сливаются с листвой,– заметила Элизабет.

На другом эскизе кентавр Хирон освобождал Прометея от цепей на фоне горы и неба.

–Хорошо отображена никтиная, листья и цветы повернуты строго к солнцу,– похвалила Исидора,– Но мало кто знает этот миф, где кентавр Хирон пожертвовал своим бессмертием, дабы освободили Прометея.

Андре обратил внимание на деталь в рисунке:

–Видите: здесь ещё и смутная луна присутствует, и горит звезда Фортуны.

–Звезда Фортуны?– удивлённо переспросила младшая из сестёр.

–Фортуна – точка, определяющаяся из положения Солнца и Луны.

–Желаете поймать Фортуну?– пошутила Исидора,– Но знайте: богиня судьбы Мойра считалась справедливой. Да-

вала счастья только достойным.

Элизабет лукаво подхватила:

–Ага, а ещё Мойра была и слепой, и безликой.

Задумались девушки и над изображениями титаниды Реи, которая шествовала, как ей и полагалось, с короной на голове в окружении львов.

Элизабет излагала свои мысли:

–Тартар, эта бездна с титанами... мне кажется: не способствует аппетиту...

Исидора подхватила, разглядывая другой эскиз:

–И этот мокрый Зевс, обнимающий женщину-реку... какой-то слишком эротичный...

–Не знаете мифа о реке забвения Лето? Это же самая постоянная любовница Зевса! Зевс-жизнь идёт об руку с женой Герой, она же ангел-хранитель всех душ. Она наказывала всех любовниц мужа, то в царство Аида попасть не могла!– пояснял художник.

Нанимательница развила мысль:

–Забвение пытается украсть у ангела-хранителя жизнь...

А старшая сестра грустно и задумчиво вынесла другое предположение:

–И мужчины любят забыться от супруги и забот в объятиях чужой женщины, в объятиях забвения от всех дел...

Исидора с интересом на неё воззрилась: откуда сестра знает о таких тонкостях мужской души? Неужели она встречалась с женатым?

Вслух младшая из сестёр сказала:

–Реализация идей на высоте. Я подумаю, что можно оставить из этого... Не останавливайтесь в творческом поиске. Пробную печь для обжига фарфора сооружают в другом здании, купленном мною. Это, видимо, займёт пару недель, а пока будем работать над эскизами. Даю Вам ещё неделю. Увидимся здесь же в то же время.

–А мою формулу костяного фарфора купить не желаете?

–Я подумаю. Попробую пока ту формулу... Хотя костяной фарфор славится прочностью...

Элизабет раздумывала:

–Может, изобразить ангела с арфой?

Сестра её перебила:

–Уж больно кощунственно вкушать еду со святого лика.

–Ты права... – призналась в недалёковидности старшая из девушек.

Художник усталился на работодателяницу, прося:

–Конкретизируйте идеал, хватит намёков. Кого Вам рисовать, мисс Уинд?

–Симурга хочу. Это бессмертная птица, гнездящаяся в ветвях дерева познания. Оперение оранжевое. Хвост пышный, красивый.

Элизабет захохотала, поясняя:

–Ты описываешь мифическую птаху, будто встречала её в парках Лондона.

Андре узнавал:

–Мисс Хит, а мои работы Вам понравились?

–Очень. У меня ощущение, будто Вы оживили свои творения. Они просто замерли, и вот сейчас закружатся в танце. У Вас талант не просто Божья искра, это вулкан какой-то. А жена у Вас есть?

–Микеланджело говорил, что искусство заменяет ему жену,— уклончиво отвечал парень.

Исидора художнику:

–Подберите себе подмастерьев, можете начать работу с ними в соседней комнате, я подготовила её для Вас, диван даже поставила, как просили. Вот ключи от этого здания и от Вашей комнаты. Пойдёмте, я её покажу.

Исидора Уинд шла по коридору и критиковала слугу Мэйса:

–Что Вы всё время повторяете фразы за мной? Ваша фамилия же не попугай! Я говорю: «Надо подвести глину с ближайших карьеров», и Вы тоже самое лопочете.

–Но я же записываю, и чтобы не забыть повторяю...– залепетал секретарь.

–Как Вы меня раздражаете, мистер Мэйс...

На коричневое платье Исидоры пришло 3 волны другого толстого материала с нежными розовыми пионами.

Они вошли в комнату для художников. Здесь были просто побеленные стены, но неплохая мебель, обитая тканью имитирующую шкуру леопарда почему-то розового оттенка.

Шкаф с книгами о Древней Греции. Секретеры, стол, множество стульев. И простенький камин, дабы художники по своему усмотрению могли дополнительно обогреваться. Жёсткий, неудобный диван всё в том же леопардовом стиле. У стен деревянные постаменты для картин, мольберты, этюдники.

Андре Планше говорил какому-то парню:

–Рационально мыслишь.

Тот уверял:

–Знаете, я очень дотошный в работе.

–Посмотрим,– протянул француз.

Мужчины поздоровалась с леди. Та сухо кивнула в ответ.

Её старший художник доложил:

–У многих молодых людей стремление к перфекционизму: кто-то желает затмить всех в творчестве, другой достичь безоблачной жизни в личной жизни, быть лучшим на производстве...

–Очень хорошо,– буркнула Исидора,– Могу я увидеть их работу?

Принялась разглядывать цветочки и узоры на листках бумаги.

Андре подмигнул своим протеже и шутил:

–Когда зерно пройдёт огонь, воду и медные трубы, то превратится в первоклассный самогон!

–Для поточного производства эти люди сгодятся,– дала вердикт работодатель,– Мсье Планше, зайдите в мой каби-

нет.

В своём кабинете Исидора вглядывалась в своего главного художника. Тот поднял брови и хлопал глазами.

Слуга Мэйс сидел у стеночки и старательно изучал свои записи в блокноте.

Леди Уинд прямо спросила француза:

– Пили сегодня?

– Совсем немножко. Для храбрости.

– Прискорбный факт, молодой человек.

– Я же хороший. Посмотрите в мои глаза: какие они добрые.

– Ваши глаза, как и Вы, пьяные!

– Ну и что! Одно другому не мешает.

– У нас был уговор, что пока Вы работаете на меня – никаких попоек!

– Не помню такого. Вы просто ругали мой образ жизни.

– А руки у Вас не трясутся?

– С чего бы это?

– Ну... говорят: у пьющих это частое явление.

– Но я ещё молод для таких случаев.

– Ваши пьянки – это же сознательная деятельность, никто Вас не принуждает, я думаю.

– Я осуждаю себя.

– Как мило! Ещё и самобичеванием занимаетесь! Но только почему-то после выпивки... Вы – отвратительный тип!

–Неужели? А все барышни говорят, что я – красивый.

–Смазливы, не более. А характер просто чудовищный!

–Манерам, конечно, не обучен, но за словом в карман не полезу.

–Надо брать на работу побольше женщин, они хоть не пьют!

–Но с выходом на работу женщин будут эксплуатировать уже не только мужья, но и работодатели.

–Ничего, от работы кони дохнут, а люди крепнут!

–Современное общество теряет истинные ценности: семью, нравственность! Все эти извращения в виде феминисток, лесбиянок, гомосексуалистов и наркоманов приведут к тому, что рождаемость резко упадёт, а обществу будет всё равно: кто ими правит.

Слуга Мэйс даже рот открыл и блокнот выронил от таких речей художника.

Леди Уинд раскраснелась и приструнила работника:

–Я смотрю: пьяному море по колено. Ишь, как заговорил с начальством! А себя-то, пьяницу, почему Вы к тому кругу падших граждан не причисляете?

–Веками народ пил и нормально размножался. А вот требования Вашего Женского комитета тянут назад, в матриархат.

–Это почему же?

–Только в африканских племенах женщина сама сватается к мужчине. У многих племён девушки живут в отдельных

хижинах и принимают всех неженатых мужчин без разбору. И после из них выбирают мужа, и тот не в праве отказаться, если был в её хижине.

–Очень практичный обычай. Женщина выберет себе мужчину по темпераменту.

–А вас не смущает обилие мужчин? Вдруг женщина при-
страстится к обилию секса, станет навязываться ко всем
мужчинам селения?

Тут покраснел даже слуга Мэйс.

Исидора выдохнула:

–Мсье Планше, идите проспитеесь.

И стала выталкивать его из кабинета.

В коридоре Андре не унимался:

–Женщины-феминистки даже внешне похожи на мужчин.

У них нет главного достоинства – молочных желез.

Звонкая пощёчина на минуту заставила француза замол-
чать.

–Но я не Вас имел в виду...– залепетал он,– Вы – са-
мая привлекательная девушка из всех, кого мне доводилось
встречать.

Андре попытался её обнять!

Она отскочила, выдохнув:

–Хулиган!

А он пытался её совратить словами:

–Но Вы же ничего не знаете о моих возможностях...Я
творчески подойду к этому делу...И Вам представится воз-

возможность расширить свои познания, набраться опыта...

–Понятно: Вы первозадачей сегодня поставили довести меня до белого кипения. Я требую подобающего отношения к своей высокопоставленной персоне от простого рабочего!

–Слово «рабочий» в Ваших устах звучит, как ругательство,– обиделся француз.

Из комнаты для художников кто-то выглянул, заинтересованный криками.

Леди Уинд распорядилась:

–Принесите пальто и шляпу мистера Планше.

Рядовой художник исполнил приказ.

Исидора сама нахлобучила на голову Андре фетровую шляпу, двусмысленно иронизируя:

–Берегите мозг, мсье Планше, а то похолодало.

–Мой мозг основательно прогрет алкоголем, леди Уинд. Пожелаете спокойной ночи своему рабочему? Или это неприемлемо для высокородной?

–Ещё день, мсье Планше,– вывернулась девушка.

В трактире «Солнечный» Андре подсел к другу трубочисту Франклину Ваттону.

Они выпили ещё немного.

И француз жаловался ему:

–Как контролировать импульсы любви? Как их удержать, если всё тело отзывается на взгляд, на запах, на движение её стана?

–Всё-таки влюбился!– ахнул Фрэнк,– Первостепенная задача для тебя: раздобыть деньги, а не влюбляться в недостижимую мечту!

–Да, существует социальная обусловленность элементов бытия... Я почти в самом низу иерархии... У неё, должно быть, куча поклонников и женихов...

–Во-во. У такой броской красоты должна быть целая армия поклонников.

–Нет, думаю, от всех Купидонов её сердце сокрыто за бронёю из наветов этих эгоцентричных, истеричных старых дев из Дамского комитета.

–Выпей ещё и сразу в глазах будет радуга и радость, а на губах улыбка.

–Нет, хватит. Завтра на работу.

Утром в дверь кабинета Исидоры постучали.

–Входите,– разрешила она.

Слуга, он же секретарь Мэйс тоже, как и Исидора, с интересом воззрился на вошедшего Андре Планше.

Тот покаянно блеял:

–И я нужен Вам, и Вы мне нужны, так проявите благосклонность и простите глупого пустобрёха. Нёс всякую чушь, аж самому стыдно. Пить бросаю...лет на 25. Я и эскизы кой-какие из дома принёс...Вы хотели птицу Симуург в оранжевом оперении...Вот получите, нарисовал...

–Вы прощены,– молвила леди, поправляя складочку на

подоле тёмно-зелёного платья.

–Я так Вам признателен... Может, оду сложить в Вашу честь?

Девушка не удержалась и фыркнула.

Ворчала:

–Без кривляний Вы не обходитесь. Сейчас я еду смотреть на обжиг первого фарфора, поедите со мной?

–Конечно! Я прослежу, чтобы Вы делали всё строго в определённом порядке.

–Я надеюсь на Вашу базу опыта. А рисунки рассмотрим позже, можете их оставить на столе.

Андре Планше оценил муфельные печи для обжига керамики. Вместо гончарных кругов ныне на производстве было шликерное литьё в гипсовые формы. Несколько рабочих делали формование объёмных фигур ручным гипсовым оттиском.

Процесс преобразования глины в фарфор так охватил Исидору, что она, затаив дыхание, следила за рождением фарфора в печи.

–Сейчас гипс впитает воду из глины, и форма отторгнет тарелку и другие изделия,– подсказывал француз.

–Ваша задача: расписать тарелки,– напомнила леди,– Вот только я ещё не отобрала нужные сюжеты...

Старший художник подошёл к одной из рабочих молоденьких женщин, которая шлёпала по глине гипсовым от-

тиском, делая фигурку танцовщицы. Рабочая была высокого роста да стояла ещё на толстой подошве башмаков.

Играя глазками, француз ворковал ей:

—Я заметил, что высокие барышни хотят стать ещё чуточку выше. А невысокие, наоборот, хотят казаться ещё миниатюрнее.

Исидору крайне возмутило, когда рука Андре опустилась на зад высокой девушки. А та не протестовала, она улыбалась этому грубому хаму! Леди подскочила к этой парочке.

Возмутилась:

—Я знаю: Вам нравится лапать женщин, но пора завязывать с пагубными привычками на глазах у общественности!

Француз урезонивал нанимательницу:

—Вы не в Дамском комитете. Здесь нет приверед. А откуда Вы знаете о моих привычках проверять крепость мускул?

—У Вас на наглой роже написано. Пойдёмте, нам надо выбрать эскизы.

Когда они ехали в карете до офиса, Андре поинтересовался:

—Леди Уинд, а кого бы Вы выбрали в мужья: сильного или умного?

—Сильного.

—О, если бы все девушки так выбирали, тогда бы человечество вновь превратилось бы в дикарей.

—Никогда ещё не общалась с таким невоспитанным, раз-

вязным типом.

–А сами-то только что меня наглой рожей обозвали. Верх аристократической беседы.

–Вы того заслужили. А кто Вы по гороскопу?

–Ненавижу женщин, которые, чтобы оценить ситуацию, задают вопрос: «А кто он по гороскопу? Козерог? А, ну, тогда всё понятно. От козла иного и ждать не надо».

Исидора хмыкнула и обиженно отвернулась.

В её кабинете не было секретаря.

–А где мистер Мэйс?– растерянно переспросил Планше.

–Отослала по делам,– пожала плечами леди Уинд.

Художник заботливо снял с дамы пальто.

Сокрушался:

–Куда смотрит общественность? Высокопоставленная леди остаётся наедине в комнате с мужчиной из низшегословия!

–Дамский комитет отменил запрет на перемещения лиц женского пола без сопровождающих.

–Очень глупо с их стороны.

Исидора попятилась с опаской к дверям.

Андре продолжал с шутками измываться над леди:

–Я имел в виду, что теперь женщины сами начнут приставать к мужчинам. Может, даже так рьяно, что некоторые представители сильной половины будут убегать от нимфоманок.

Леди стала разглядывать эскизы и придирчиво уточнять:

– Циклопы куют молнии Зевсу, впечатляет... Но почему Зевс не на небе, а в какой-то яме нападает на красивую женщину в цветах?

– Это Аид! Он вначале был богом земледелия и времени. А это – Персефона-Весна, его жена по принуждению. Он влюбляется и похищает её. Вокруг цветы, как признак любви: на земле, как и в душе Аида, распускаются цветы-любовь.

– Весна топит лёд на сердце Аида, а он расцветивает всё в радужные тона цветов... Романтика... Оставляем...

– Даже к циклопам не придерётесь?

– Циклопы, как некая фатальность... По преданиям Зевс несколько раз уничтожал человечество, пытаясь создать совершенного человека. Зевс, кстати, с греческого переводится, как «жизнь».

– А я читал, что древние греки и римляне строили свои храмы на древнейших фундаментах. Капители колонн весят несколько тонн. А это лишь их вершины... Эти храмы называли город богов-великанов.

Исидора поднесла к глазам другое творение художника, умильно говорила:

– И эта картина мне по нраву. Аполлон, стерегущий стада Адмета в землях Фессалии. Единороги с прямыми рогами и спиралевидными, волшебными рогами аликорн. А также вышедшие из леса послушать игру Аполлона на золотой кифаре звери: пантеры, львы, серны, олени, зайчики... Так... а

на третьем рисунке мы видим некие райские кущи с обилием лилий, символом роскоши и изящества у Древних римлян. И люди в римских тогах, но не все... вот девушки, украшенные одним лишь плющом. Это игры в честь Диониса или Аполлона? И тому и тому посвящались игры и танцы с плющом.

–Если бы восхваляли Бахуса или Диониса, вокруг суетились бы сатиры, вечные спутники бога виноделия. И люди стояли бы с бокалами. А это игры в честь Аполлона.

–И эта работа хороша. Вы излили творческий огонь на эту работу. Можете приступать к росписи тарелок.

–Мне ещё и группу молодых художников обучать...

–Я думаю: Вы всё успеете.

–Но я же у Вас ещё и новатор со свежими идеями...

–Мсье Планше, сознайтесь, что эти эскизы были написаны Вами намного раньше. Я права?

–Не все, – замялся Андре.

–Я не отбираю денег, Вы их заслужили. Талант надо поощрять.

Француз задумчиво разглядывал её.

Сообщил свои мысли:

–Вы ни разу ещё не соответствовали своей фамилии. Уинд (буря) – это что-то запредельно мощное по эмоциям. Боюсь: Вашему предку присвоили эту фамилию потому, что мать родила его в ураган, испугавшись, а не за выдающиеся способности вояки.

–Спрошу о фамилии у отца. Должны сохраниться леген-

ды по этому поводу. А сейчас мне пора отдыхать. Поеду в гостиницу.

–Леди Уинд требуется моя помощь в сопровождении до кареты?

–Как-нибудь доберусь сама.

–Жаль. Я так хотел и предвкушал подержать Вас за руку... усаживая в карету...

Девушка указала на пальто, мужчина с преувеличенным раболепием помог ей надеть верхнюю одежду.

Андре расписывал тарелки в мастерской для художников, увлёкся и не заметил, как над ним зависла Исидора в коричневом платье с колким замечанием:

–Не много за сегодня успели мсье Планше.

–Как могу, леди Уинд, как могу.

–Зачем Вы вот здесь нарисовали созвездие Рака? Разве Вам неизвестно, что альфа Рака Акубенс – это звезда лжецов и преступников?

–Думаю: большинству обывателей сие неизвестно.

–Как я успела заметить, Вы не очень-то далеко продвинулись в своих работах.

–Жизнь – борьба между желаемым и возможным.

–А на этой тарелке движения Амуров вышли какими-то вялыми что ли...

–Я излил стремления, чувства в этот рисунок, а Вы заявляете, что он недостаточно динамичен! Амуры, что, должны

прыгать, чтоб Вам угодить?

–Излили себя на картину? И о чём же говорят Ваши чувства? Они также унылы, как Афродита! А бедняжка Психея чуть не плачет!

Под визг девушки эта тарелка полетела на пол, разбиваясь на мелкие осколки. Полетела на пол и тарелка с созвездием Рак.

Подмастерья покинули комнату по знаку работодателя.

Исидора укоряла скандалиста:

–Вы тут посуды перебили на пол зарплаты!

–А Вы обещали мне платить гораздо больше! Хотите, чтобы мой ребёнок голодал?

–У Вас есть семья? И кто же терпит Ваш несносный характер?

–Сын говорит, что я – лучший папа на свете!

Леди почувствовала угрызения совести, она должна как-то примириться. И Исидора сняла с руки кольцо с сердоликом, протянула Андре со словами:

–Примите мои извинения.

–Извинения приняты,– смягчился художник и забрал кольцо.

Оно подошло ему только на мизинец.

–Сердолик приносит удачу...– посвящала она его в тайны камней.

–Я оценил, какой Вы нанесли удар по своему самолюбию,

извинившись. Польщён.

Француз хотел поцеловать её руку, но девушка отступила на шаг назад. Затем и вовсе вышла из комнаты.

В коридоре леди Уинд поманила одного из художников в свой кабинет.

Там спрашивала:

–Расскажите мне о жене мсье Планше.

–О бывших жёнах мистера Планше,– поправил парень,– У Андре была танцовщица из театра. Смазливая, с аппетитной грудью блондинка. Она с юных лет вела разгульный образ жизни, и замужество её не изменило.

–Может... мсье Планше был слаб, как... как мужчина?

–Навряд ли. Просто малышка любила очаровывать всех подряд. Я часто был у него в гостях, меня она тоже пыталась совратить... А у второй жены был склочный характер, и она обижала сына мсье Планше.

–Спасибо за информацию. Вы свободны.

Открытая карета ландо подъезжала к офису Исидоры. Там сидят: её отец, она, сестра и жених Николас Балстрод.

Лорд Балстрод интересовался:

–Леди Уинд, на заводе Вашего отца фарфор твёрдый, ко-
стяной или мягкий?

–Ещё в 1.710 году в Саксонии алхимик Иоганн Бетгер получил в Мейсенской крепости Альбрехтсбург твёрдый фарфор, открыв первым в Европе мануфактуру твёрдо-

го фарфора. До этого в Европе весь фарфор был мягкий,— отвечала Исидора.

—Слышал, что конкуренты иногда делают диверсии, вплоть до поджогов и взрывов,— пугал жених.

—Урбанизацию не остановить. Это исторический процесс, роль городов с каждым годом будет только возрастать, не удастся кому-то одному построить завод, рядом вырастут 3 новых,— заумно парировала леди Уинд.

Андре с подмастерьем курил в коридоре, когда увидел процессию из родственников своей нанимательницы. Ему сразу не понравилось заносчиво-надменное выражение лица молодого человека и надутое важностью желтоватое лицо её отца.

Кроме тёплых накидок девушек грели меховые муфты на руках. Из под накидок проглядывали платья: из жёлтого атласа у Исидоры, и голубого – у Элизабет. Платье старшей сестры ещё отделано синими бантами и рюшечками, на шее тоже синий бант из бархата. На голове Элизабет 3 синих крупных банта из бархата. Голову Исидоры прикрывала коричневая шаль.

Планше процедил помощнику:

—Набить бы морду тому молодому типу, что сопровождает дам...

—Тебе это по рангу не положено. Он выше тебя по положению. Тебя засудят.

Повелительным тоном Исидора отдавала распоряжения мастерам:

–Будьте любезны показать моим родственникам и другу свои работы.

Художники учтиво слегка поклонились и пригласили в мастерскую.

При родственниках своей начальницы Андре Планше старался вообще не смотреть в сторону Исидоры.

Разглядывая фигурки фарфоровых изделий, отец заметил младшей дочери:

–Фарфоровый завод Вустера, открытый в прошлом году, изготавливает обеденные сервисы и крытые вазы, украшенные виньеткими, и эти изделия очень популярны в Высшем Свете. Есть также классические изделия. Приоритеты давно утверждены и традиционны.

Исидора покачала головой:

–Заинтересовать покупателя надо чем-то новым.

Граф Джон Уинд Хит напирал:

–А я думаю: у мсье Планше есть стандартные, наработанные эскизы.

Младшая его дочь протестовала:

–Но я хочу модерн и авангард в творчестве! То, чего не будет у других. В чём будет отличие фарфора Андре Планше от других творений разных мастеров.

Отец сокрушённо произнёс:

–Чувствую: пустишь наш маленький заводик по ветру.

Инициатор создания фарфорового завода обиделась:

–Вы, папа, переживаете за производство, а на мои чувства Вам плевать. Разве я не имею права распоряжаться своим имуществом так, как считаю нужным? Разве я мало для этого работаю?

Николас Балстрод удивился:

–Так это инициатива мисс Уинд? Тогда я полностью согласен с лордом Хитом: управлять заводом – не женское дело.

Исидора огрызнулась:

–Не надо экстатически предрекать бедствия, вы все не Сивиллы. Приведите доводы, мне претит не дискурсивная беседа.

Лорд Балстрод поморщился и заметил:

–Мисс Уинд, не злоупотребляйте такими пышными, излишне велеречивыми фразами, иначе художники Вас не поймут.

–Спорный вопрос, – подал голос Андре, – Я тоже могу участвовать в ваших тяжёлых дебатах. Меньше всего Исидора Уинд похожа на филантропа. Она не раздаёт милостыню у церквей, она отдаёт зарплату работягам за честный труд.

Лорд Балстрод уставился на небритого парня в потёртой одежде, дал свой вердикт на латинском языке:

–Abusus in Vacchus ad extra (Злоупотребление вином до крайней степени).

Андре взвился:

–Вы всегда оскорбляете малознакомых людей? Это знаете ли чревато осложнениями здоровья.

Николас постарался увести разговор в сторону, озираясь:

–Вас вдохновляет на творчество цвет больного леопарда? Что-нибудь нарисуете мне на память?

Художник заартачился:

–Возле Вас ощущение такое, будто я попал на парфюмерную фабрику. Эта феерия запахов сбивает с мысли и рабочего ритма.

Молодой дворянин закивал, приговаривая:

–Понимаю: Вы привыкли совсем к другим ароматам. По всей вероятности, Вы добавляете в ванну средство от блох.

–Ах, ты – дрянь!– вырвалось у Андре.

Подмастерья схватили мастера за плечи, не давая кинуться на обидчика.

Исидора закричала на жениха:

–Как Вы смеете так грубо разговаривать с моим рабочим!?

Лорд Балстрод продолжал напирать с претензиями, обращёнными теперь уже невесте:

–Надеюсь, в кабинете Вы находитесь с секретарём-женщиной? И не даёте поводов для домыслов? Нужно беречь свою репутацию.

Исидора, а с ней и её родня превратились в пунцовые статуи, от возмущения у них не было слов.

Директор фарфорового заводика с вызовом переспроси-

ла:

–А если я преуспела в нарушении всех приличий?

Николас расхохотался, затем перевёл всё в шутку:

–Ценю Ваш юмор, леди Уинд.

Положение спас отец:

–Разумное зерно в твоей затее и проектах, Исидора, всё же есть. Детали обсудим позже. Я продолжу быть твоим гарантом и поручителем.

Граф увёл старшую дочь и лорда Балстрода.

Леди Уинд, всё ещё с волнением на лице, склонилась над эскизом Андре:

–Неистошимый дар Вашего творчества впечатляет, мсье

Планше.

–Я вот работал, пока Вы слонялись по улицам с этим за-
давакой лордом.

–Выбирайте слова, мсье Планше, Вы не в трактире.

Француз с истерикой бросил кисти на пол, заявляя:

–Сегодня у меня нет вдохновенья!

–Выходной хотите?– стала заискивать работодатель, по-
нимая, что зря напомнила про трактир.

–Этот хлыщ, Ваш провожатый... он – Ваш жених?

–Папа его приглашает постоянно...

Андре пошёл к дверям.

Обернулся и невесело поблагодарил:

–Очень приятно знать, что Вы считаетесь с моими поже-
ланиями, миледи.

В снятый Исидорой дом вечером приехал с визитом Николас Балстрод.

Он говорил ей:

— Не знаю: почему Вас никто не осведомил о моём приезде...

Джон Уинд Хит поддержал гостя:

— Это я просил лорда Балстрода приехать. Но у меня что-то печень болит, пойду полежу, примите молодого человека, как подобает, сейчас секретаря пришлю для приличия.

Старый граф удалился.

Николас, дабы завести разговор, начал расспросы о печах.

Но эта беседа ему быстро наскучила, он решил пошутить:

— Хорошо, что Вы, леди Уинд, хоть не взялись выплавлять на доменных печах какие-нибудь доспехи. Или для начала купили бы кузню для этих целей.

Исидора с миной знатока заявила:

— Что-то не так с нашей историей. Для выплавки панцирей и шлемов для целой армии нужны не кустарные кузни, а целые мануфактуры. Я-то знаю, что значит горн и меха! Я часто бывала в кузнеце, видела, как куют подковы для коней... А поточное производство с однотипной и высококачественной продукцией мог дать только завод.

— Но ведь раньше не было мануфактур... — раскрыл рот лорд.

— Значит: были. Только почему-то их уничтожили... при-

чём все разом,— уверяла барышня.

—Леди Уинд, если бы я попросил Вашей руки... Вы были бы счастливы?

—Навряд ли. Я же не люблю Вас.

—У женщин в голове, кроме любви и страданий ничего нет!— с досадой вырвалось из уст молодого человека.

Исидора приводила доводы:

—Если бы головы мужчин были забиты тем же, то войн бы не было. Даже в Древнегреческих сказаниях бог любви ставится на вершину, ведь четырьмя первоосновами мира одновременно считались: Тартар, Гея, Хаос и Эрот, который, как известно, и отождествляется с любовью. Улавливаете мысль? Без Эрота Гея погибнет в лапах Хаоса и Тартара.

—А Эрот полюбил Психею, богиню человеческой любви...и так слепо, что не замечает её изощрённой жестокости по отношению к Гее. Вот взять хоть добычу глины для Вашего завода, эти ужасные карьеры...Или добыча угля, тоже малоприятная процедура для Земли...— заметил Николас.

—На месте карьеров, обычно, позже образуются озёра,— нашла, чем возразить, невеста.

—Вы интенсивно прилагаете все силы в это дело... Не бойтесь прогореть?

Исидора задумчиво стала перелистывать журналы мод, которые лежали на журнальном столе, не отвечая.

Элизабет поспешила к выходу, поясняя:

—Позову секретаря сестры Мэйса, что-то он не торопится.

Как только старшая из сестёр вышла, Николас подсел к Исидоре на диван, и прижал её к себе. Та возмущённо отпихнула жениха от себя.

– Не перестаю восторгаться Вашей учтивостью, лорд Балстрод.

– Постигаешь, как живут ангелы? Но они-то в небесах, а на земле счастья без единения тел невозможно.

– Ошибаетесь. А как же творчество? Оно тоже даёт ощущение счастья.

– Удел гордячек – одиночество. Удел совершенных натур – остаться одной.

– Лучше остаться одной, чем жить с недостойным.

Кавалер принял это заявление на свой счёт, вскочил и на ходу бросил:

– Ищите тогда более достойную кандидатуру, а меня избавьте от своего общества.

Его последние слова слышали вошедшие Элизабет и мистер Мэйс. Оба в удивлении вытянули лица. Исидора же радостно улыбалась.

– Сестра, ты неподобающе случаю весела. Ты рада, что лорд Балстрод отказался от тебя? – изумлялась Элизабет.

– Он меня раздражал.

Старшая из сестёр отпустила секретаря и уселась с младшей на диван, осторожно узнавала:

– А тебе, может, нравится кто-то другой?

– Все нет.

–А этот смазливый художник-француз?

–Что ты! Представляешь, он выказывает мне полное неуважение! Он всегда небрит! Всегда неопрятен. И последнее время совсем не смотрит в мою сторону.

–Его так была жизнь, что он плюнул на себя, поверь. И, видимо, совсем не интересуется женщинами.

Исидора задумчиво проговорила:

–Обидно, когда в тебе не видят женщину, не замечают. Видят только начальницу.

–Зачем тебе внимание всех без исключения? Твой художник – нищий пьяница. Плевать на его мнение.

–А он мне даже хамит...

–Если кто-то Вам хамит, значит, Вы это позволяете. Если кто-то снова и снова обманывает Вас – значит, у Вас есть склонность поверить любому. Обижаться тут надо только на себя.

Младшая сестра удручённо кивала.

На следующее утро, войдя в мастерскую художников, Исидора обратила внимание на мутный взгляд Андре Планше.

Он хвалил её наряд:

–Мне так нравится это Ваше платье петролевого цвета... Такой глубокий зелёный цвет...

–А что это у Вас глаза опухшие и красные? Пили?

–Ну что Вы! На работу идти не хотел...плакал...

Подмастерья тихонько приснули со смеху.

Работодатель злилась:

–Вам нравится зелёный цвет потому, что это цвет Вашего любимого друга – Зелёного Змия! Как быстро пролетело 25 лет, и не заметила! Вы же бросали пить на 25 лет!

–Это не педагогично оскорблять меня при учениках, – насупился Андре.

–Пройдёмте в мой кабинет.

В кабинете Исидоры Планше забубнил:

–Возникли непредвиденные обстоятельства в виде Вашего жениха, оскорбившего меня... И я занялся ампелотерапией – лечением вином. А так отличительной чертой моего характера является доброта и чуткость, трудолюбие и новаторство идей... не только на работе, а также и в плане секса...

–Мужчины, если их слушать: самые смелые, сильные и сексуальные существа на свете.

–А женщины – самые милые, добрые и совершенные, если их не слушать.

–Вы когда-нибудь слышали о галантности в общении с женщинами?!

Вдруг Андре приблизился совсем близко и не успела она отскочить или возразить, как он взял её руку в свою.

Ласково говорил:

–Иногда быть невоспитанным хамом очень выгодно и полезно: можно во время разговора взять девушку за руку.

Исидора выдернула свою ладонь и выдохнула ему в лицо:

–Враг общественной морали и безопасности.

Он вновь схватил её ладонь и поцеловал пальцы.

С ехидством подначивал:

–Пожалуйста завтра в Дамский комитет на дерзкого и нахального мужчину в подчинении.

–Полагаясь исключительно на свои манеры и умение держаться по-королевски, я сделаю вид, что Ваша пьяная выходка была лишь актом восхищения начальницей, а не девушкой. А так знайте: моя гордость ущемлена.

–Это не гордость, а показное величие.

Ответом ему была пощёчина.

–Ошеломлён,– с лживым простодушием «удивлялся» мужчина,– Вы в очередной раз меня колотите.

Исидора стояла перепуганная.

Она залепетала:

–Извините, не знаю, как это случилось.

С глубоким чувством собственного достоинства художник подтрунивал над её воспитанием:

–Вот сразу видно: воплощение благородных поколений, идеал аристократичности! Решаем вопросы при помощи избивения слуг... Понятно, почему в обществе кризис доброты, если даже такие милые и нежные создания бросаются с кулаками на подчинённых.

–Меня спровоцировало Ваше девиантное поведение... Давайте: я подарю Вам литровую бутылку марочного испанского вина, а Вы пойдёте домой, отоспитесь, и придёте после-

завтра.

–Ваше радушие наводит на подозрения. Уж не отравили ли Вы мне вино?

–Зачем мне Вас травить?

–Чтоб зарплату не платить.

–Так Вы отказываетесь от подношения в виде выпивки?

–Чёрт с Вами, давайте. Вот так и спаивают рабочий класс.

Исидора достала бутылку со спиртным.

Просила:

–Только не пейте по дороге к дому. Мало ли что...Пьяно-му море по колено, а лужа по уши...

–Выпью за хороших женщин, потеснивших мужчин на многих прекрасных работах и на славных поприщах...но не вытеснивших их из сердец мужчин.

–Мне жаль Ваше здоровье.

Он продолжал поддразнивать её:

–А я думаю: выпивать мне крайне полезно. Мои ноги затекают, ведь я мало двигаюсь, то стою, то сижу...А алкоголь разгоняет мою кровь. А можно я попробую вина немножко сейчас?

–Только глоток. Вот Вам фужер. Сейчас пойду посмотрю что рисуют Ваши подмастерья, к моему приходу, надеюсь, Вы уже очистите мой кабинет от своего присутствия.

Леди удалилась.

Зашла через пару часов.

Андре лежал на столе, раскинув ноги и пьяно сопел. Пу-

стая бутылка валялась на полу.

Исидора растолкала художника.

Тот заплетающимся языком гундел:

–А, мисс Сливки Общества пожаловала...Я так подумал: лучший способ не опаздывать на работу – вообще не уходить.

–В Вас высокий потенциал и профессионализм, но они соседствуют с ленью, пьянством и разгильдяйством!

–Зато Вы у нас – чистойшей крови принцесса. А принцессы даже не какают, у них всё дерьмо в характер уходит.

Леди выпучила глаза.

Француз взял со стола портрет её отца, криво усмехнулся, не узнавая лица.

–Очередной жених?– почему-то решил он.

И не успела девушка возразить, как Андре саданул по портрету кулаком под аханье работодательницы. Затем он взял из под головы книгу, подаренную сестрой. Прочёл название.

–О, это труд одной из ярых феминисток,– захихикал мужчина.

Он сел, достал из ботинка складной нож и проткнул трактат насквозь.

–Что Вы себе позволяете?– опешила Исидора.

–Ах, да, Вы же привыкли к более цивилизованному поведению...Мне как долго ползать на коленях, моля прощение?

–Вы обижаетесь, что я всё время Вас бью, но с какой бы

радостью и удовольствием я бы присоединилась к группе хулиганов из подворотни, избивающих Вас!

—Это грехопадение, мисс Уинд. Да-да. Вы жаждите крови невинного человека. А я думал: социальная агрессия особо жестока в низших слоях общества. Ан нет, элита ненавидит тех, кто снабжает её деньгами так, что готова дубасить бедняжек-бедняков день и ночь.

—Вы — сатир и циник. А я предполагала, что художники — утончённые натуры, такие, словно ангелы: чувственные, ранимые...

—Нет, я не гомосексуалист. Вы ошиблись.

—Ваши скабрёзные шуточки меня раздражают. И это Вам прямая дорога в ад с Вашими-то пьянками.

—Ну и замечательно. Там тепло всегда. А Вы в раю будите яблоки кушать. Только молю: через решётку мне немного подкиньте яблочек, а я сидр с них сделаю или в виски перегоню.

—Как же мне Вас изменить в лучшую сторону?— вздохнула Исидора.

—Попробуйте изменить себя, и Вы поймёте: насколько ничтожны Ваши шансы изменить других.

—А мой изъян в чём?— не поверила его словам девушка.

—Вы же не любите мужчин! Так попробуйте их полюбить.

И француз стал стягивать с себя пиджак, расстегивать пуговицы на рубашке.

—Вы в своём уме?— ужаснулась леди.

–Если Вы утверждаете, что оба пола равны, то Вы не должны пугаться обнажённого тела мужчины. Мы же одинаковы.

–Не утрируйте, имеются физиологические различия.

Торс мужчины оказался прекрасно сложен. Развитая мускулатура притягивала взгляд. Исидора сразу припомнила о том, что Андре любит рубить дрова.

Но вслух она не восхищалась, а порицала:

–Недаром пословица говорит: «У всякого в рукаве сидит дурак».

–Заманили высокой зарплатой, и теперь издеваетесь! Могли бы припомнить слова Аристотеля: «Не было ещё ни одного великого ума без примеси безумия». Но, нет, Вам обидеть простого человека надо.

–Мсье Планше, если Вы не в состоянии идти домой, оставайтесь здесь. А я пошла в гостиницу.

–Простите меня за настойчивость, но я хочу сопроводить Вас до кареты.

–Хорошо, одевайтесь, я отвезу Вас в Вашу гостиницу к сестре.

Андре с усилием надел рубашку и сюртук. Исидора принесла ему пальто и шляпу.

По коридору он шёл за ней, сильно пошатываясь.

В карете Планше уснул.

У гостиницы «Солнечная» бородатый зять подхватил Андре за предплечья и повёл в помещение.

Художник бормотал:

–Голова болит. Кажется, я заболел.

Удард хохотнул:

–Ага, вижу – заболел, это – острая нехватка алкоголя в организме.

–Меня никто не любит,– пьяно гундосил Андре.

Зять остановился передохнуть, со смеющимися глазами уставился в лицо пьяного родственника, спрашивал:

–Итак, тебя никто не любит...А ты...кого любишь ты?

–Да я весь мир люблю!

Леди Уинд из кареты смотрела, как её художника ведут домой.

Через день Андре предстал с букетом декоративных крупных колокольчиков на пороге кабинета Исидоры. Его начальница сегодня надела платье из атласа розового цвета с вуальным воротником.

–О, Вы мне признательны...– прочитала язык цветов Исидора.

–Да. Вы не дали мне пропасть в подворотне.

–Колокольчики поставьте в вазу и идите работать, мсье Планше.

Попозже она вошла в мастерскую. Художники-подмастерья махали кистями, расписывая посуду. Творческий огонь в глазах Андре перевоплотил его, теперь перед Исидорой был не пынчужка-неудачник, а мифический Гефест, ваяю-

щий шедевр.

Она заглянула на набросок Планше, с её губ тут же сорвался взглас:

–Вы спроецировали свои мысли идеально.

–Да, генерация идей сегодня на высоте.

На рисунке богиня утренней зари Эос, одетая в золотисто-жёлтые одежды поднималась от горизонта. Ей навстречу летел бог южного ветра Нот. На Земле среди цветущих деревьев ореха танцевали бог огня Пеле, бог смеха Момус, богиня юности Геба и Геракл – бог смелости, силы и геройства.

Девушка восхищалась:

–Нарисовано так, будто Вы были там рядом и видели своими глазами... Как Вам удаётся так реалистично рисовать?

–Искусство, как самовыражение. Свой опыт и воззрение переношу на картины. Я постиг характеры людей. Часто сижу в парке, наблюдая за природой...

–Постигли характеры? Интересно. Что скажете о моём?

–Вы слишком мягкий человек, мисс Уинд. Вашей добротой все пользуются. Вам кажется, что на кого-то Вы имеете давление, но это иллюзия: недруги отступают не из-за боязни лично Вас, а из-за громкого имени Вашего папаши. Вами манипулирует сестра, Дамскому комитету Вы не можете отказать, Вы вообще в помощи никому не можете отказать.

–Но разве это плохо?

–Вы – тряпка бесхарактерная. Не удивлюсь, если наследство папаши Вы раздадите нищим и попрошайкам.

Исидора покраснела так, что чувствовала, как жаром обдаёт щёки.

Она настырно и капризно говорила Андре:

–Хочу завтра видеть картину с изображением Геры и её друга Рака на фоне моря.

–Не следует навязывать свой образ мысли творческой личности!– ответил ей неллицеприятно художник-француз.

Ей тоже захотелось уколоть его самолюбие, она сказала:

–Я не представляю Вас с актрисой.

–А, уже доложили о всех моих бывших...– усмехнулся Андре совсем не обидевшись, пояснял,– Когда Лорейн была на сцене, изображая нимфу, я по простоте душевной поверил её таланту, поверил, что и в жизни эта женщина наивна и мила. Может...даже сын вовсе не мой...Иначе, зачем ей был нужен я? Уж очень быстро она родила...

Леди Уинд устыдилась своей мести, пробормотала:

–Простите.

А мастер фарфорового дела размышлял дальше:

–В ближайшее время не собираюсь жениться. Фанат отрывается от жизни личной, посвящая себя исключительно труду, любимому делу. Семья лишает его драгоценного времени для работы. Он чувствует себя тогда несчастным, подавленным.

–У меня нет аргументов на Ваш убедительный довод,– развела руками работодатель и направилась к выходу,– Продолжайте работу, мастера.

От насыщенно яркого розового цвета рябило в глазах. Встала Исидора сегодня рано, плохо спалось. За окном её кабинета моросил дождь. Девушка в истоме потянулась, приподняла тяжёлые белые локоны волос и струями отпускала пряди, играя с причёской. Белые жемчужины в её волосах брякали друг о друга. Горловина платья тоже расшита жемчугом, подол украшала косичка из переплетённого бархата.

Планше неожиданно возник в дверном проёме. Руки Исидоры на мгновение застыли в волосах, затем она резко опустила их.

Художник доложил:

—Я принёс эскизы.

Она жестом указала ему на стул. Француз сел за стол рядом с ней. И девушка с силой заставляла себя не расслабляться: мысли путались, движения стали неловкими и скованными. Её щёки горели. Казалось, она даже кожей чувствует его близкое присутствие. Почему один только вид этого человека волнует кровь?

Исидора просматривает эскизы его работ, даёт комментарии:

—Интенсивно фиолетовый отбивает аппетит.

—Не знал.

—Нарисуйте для меня Аполлона с женой Коронидой? Попрошу уловить суть вещей, суть этих отношений: бог Аполлон – самый красивый, а подлая Коронида его обманывает.

Андре усмехнулся: «Уже не приказывает, а просит. Прогресс».

А вслух заметил:

– Мне не ново такое событие в жизни, но кто захочет вкушать яства с тарелки, на коей Аполлон будет с кислой, страдальческой рожей?

– И каковы тогда Ваши дальнейшие планы?

– Зачем следовать мифам слепо? Ну, а если немножко добавить фантазии в роспись и в отношения греческих богов? Почему бы суровой красавице и умнице Афине не полюбить балагура и пьяницу Пана?

Она оценила его возможности бить её же оружием – сравнениями, но вслух усомнилась:

– За что Афине его любить-то? За какие качества души?

– Он же весёлый! Он несёт радость, окрашивает жизнь в радугу. Да и в постели, говорят, не слабак.

Щёки Исидоры вновь окрасились в алый цвет. Руки задрожали, она взяла в руки другую экспозицию его работ. Глаза её расширились до предела.

– Что это?

– Ваш заказ. Гера с милым другом Раком-Кракеном у моря.

– Это же порнография какая-то! Красавица в лапах чудовища!

– Потому, как Рак беспрекословно выполнял все приказы госпожи, даже не гнушался убийствами: я сделал вывод, что

он безумно любил эту стерву. А так как Зевс постоянно изменял жене, то и Гера могла ответить на любовь Рака, которого многие описывают, как монстра Кракена.

–Заберите это, иначе я порву эту работу.

–Я неукоснительно и стойко выполнял все возложенные на меня миссии, а Вы так низко цените мои старания,– кривлялся Андре.

–Да, Вы очень деятельный экстремал.

Француз забрал рисунок с Кракеном и Герой.

Исидора нахмурила лоб, суксила недовольную мину, опять проявляла недовольство:

–На этом эскизе Амуры слишком толсты. Как же они полетят?

–Их заставляет летать волшебная сила любви! А Вы, видимо, мисс Уинд, глаза с грязью помыли, раз не видите, как хороши эти Амуры.

–Что Вы себе позволяете, мсье Планше?! Как Вы с начальством разговариваете?!– визгливым голосом оборонялась леди.

–О, извините, я знаю, что Вы привыкли только к компле-
ментам...но моё отвратное воспитание может выдать из моего горла лишь ругательства.

–Инфантильные претензии! Не желаю видеть на своих тарелках толстяков!

–Многие мечтают похудеть, а увидев таких толстеньких мальчуганов, задумаются доедать ли свой обед.

–Я вообще могу Вами командовать?

–Я ловлю каждое Ваше слово, леди Уинд.

–А рисуете невесть что!

Она заломила руки. Встала и отошла к окну, смотря на дождь.

Вдруг тихо спросила:

–Вам изменяли жёны?

–Ищите новые поводы для насмешек?

–Значит – изменяли... Это они, наверное, мстили Вам за склочный характер. Я бы тоже Вам изменяла, будь женой.

–О, не сомневаюсь. Вам дай волю, так Вы б тысячу мужчин поменяли.

Её щёки опять запылали. Она подскочила к стулу Андре.

Кричала:

–Что-о-о?! Что Вы снова себе позволяете? Да Вам, видать, изменяли, по причине Вашей мужской слабости! Вот и сейчас у Вас нет любовницы!

Француз вскочил, навис над ней, как грозная туча, но потом лицо приобрело хитрое выражение.

Узнавал:

–А откуда это Вам известно? Справки обо мне наводили?

–Ну... Должна же я знать всё о своих сотрудниках.

–Всё-всё? Даже личную жизнь? Может, Вам ещё и грязное бельё принести поковыряться?

–Ненавижу Вас! Ископаемое! Ящер!

–Польщён, что Вы считаете меня таким раритетом.

Девушка стала трясти его за плечи.

Он задиристо и насмешливо поддразнивал её:

—Предупреждаю: если Вы и дальше будете приставать ко мне, я пожалуюсь в Ваш Дамский комитет.

Исидора отступила на шаг и обзывала художника:

—Ты всех гадких животных интегрировал в себе в одно целое под названием Андре Планше!

—Какой нынче работодатель пошёл скверный, невежливый. Всё время норовит обозвать как-нибудь поганенько...

Внезапно мужчина сделал шаг, разделяющий их, обнял девушку и слился своими губами с её устами. Неожиданная сладость поцелуя огорошила Исидору. Она не вырывалась из рук соблазнителя.

Когда Андре насладился её губами, изрёк:

—Я и так уже пал в Ваших глазах ниже некуда, так простите очередной проступок.

Она ошеломлённо напоминала:

—Но Вы же не собирались жениться в ближайшее время...

—И сейчас не собираюсь. Меню двигало желание завладеть хоть на минуту Вашей красотой, леди Уинд.

Леди, наконец, опомнилась, что всё ещё в руках мужчины, вырвалась.

Возмущалась:

—Какой же Вы негодяй, мсье Планше! Извиняйтесь да по-лучше, иначе я выгоню Вас на улицу!

Француз вновь заключил её в объятия. Целовал щёки, нос

и лоб, так как она вертела головой, не давая губы.

Исидора доводила до сведения:

–Отныне будем беседовать только при секретаре!

–А кто-то грозился меня выставить за дверь офиса,– не прекращая раздавать поцелуи, подтрунивал Андре.

–Да, я хочу, чтобы ты остался без штанов!

–Так вот о чём Вы мечтаете, мисс... Это подрыв устоявшихся моралей, детка: француз-художник гуляющий по улицам Англии без штанов...

Девушка всхлипнула. Она была бессильна против его по-ползновений, его обаяния... Она не знала: что ей делать дальше, его поцелуи были вовсе не противные... Но её слёзы привели в растерянность и расстройство мужчину. Он освободил её из своих объятий.

Зло бубнил извинения:

–Был груб и несдержан. Художники, знаете ли, сильно подвержены влечению к красоте. Попытаюсь более Вас вовсе не трогать. Я слишком далёк от Ваших гуманитарных идеалов.

–Вот она – спасительная сила моральных ограничений для грубых натур!– ехидничала леди.

Француз кивнул и вышел из комнаты.

Следующим днём Исидора вошла в мастерскую художников. Все творили молча. Андре сидел мрачный и на леди даже не глянул. Она подошла к нему.

Тихо поинтересовалась:

—Ваш унылый вид пугает даже птиц за окном. Что случилось?

—Нелегко быть добрым, когда вокруг все хитрые. Занял другу денег, а тот исчез из города.

—Вот, а ещё меня ругали за простоту характера...

Тут её нос учуял дух похмеля.

Она зашипела ему в лицо:

—Объективный факт, что Вы вчера вновь злоупотребляли алкоголем.

—Вот что бывает с человеком, когда у него такое плохое настроение.

—Мсье Планше, почему Вы любите терять человеческий облик, напиваясь?

—Топлю в спиртном свои неудачи на личном фронте, в быту...

—Но Вы же талантливый художник... Потом будут руки трястись... Зачем рисковать здоровьем и карьерой? Я думала, что Вы стремитесь к перфекционизму, быть самым лучшим в Англии...

—Не старайтесь переделать меня, ибо даже ангелы иногда бунтуют.

Её взгляд упал на его работу. Диониса сопровождали вакханки в шкурах из пятнистых оленей, подпоясанные задушенными змеями, убивали мужчин и животных, пили их кровь, тирсами сокрушали деревья и дома, из скал выбивали

молоко и мёд. Фурия с неба гналась за Орфеем.

Исидора возмущённо и удивлённо заметила:

– Мне кажется, что фурия похожа на меня...

– Ну что Вы! Фурии же такие гадкие создания! А Вы так очаровательны...

– Прекратите издеваться! Вы специально меня злите!

– Вот, Ваши истерики смогли воодушевить меня только на создание вакханок и фурий.

– Есть искусство, которое идёт от сердца, Ваши творения сегодня – порождение хаоса.

– Источник Ваших доходов от такой несправедливой критики может и взбунтоваться.

– И куда Вы предлагаете поместить сие творение? На тарелку или на весь сервис?

– Раз я такой плохой художник, я уйду! Ищите себе для забав с фарфором нового раба!

– Какой Вы горячий!

– Слишком заносчив для пролетариата?

Планше вскочил со стула.

Работодательница его схватила за локоть, упрашивая:

– Стойте! Я же не ограничиваю Вас во времени. Рисуйте. Что-нибудь мне непременно понравится. Иные Ваши работы меня сильно впечатлили.

– Великодушная и благородная дарительница земных благ! – паясничал Андре.

Он смотрел на её ладонь, сжимавшую его локоть. Она про-

следила за его взглядом, но руку не убирала, боясь, что художник действительно сбежит.

–Я остаюсь,– устало произнёс француз.

Исидора с чувством облегчения вздохнула, разжав руку. Мастер уселся на свой стул.

Прошло пару дней.

Исидора дотошно проверяла счета, засиделась до позднего вечера в своём кабинете. Секретарь Мэйс помогал ей, складывал бумаги в нужные папки.

Она заметила:

–Пока этого Планше не позовёшь, сам он никогда не придёт, не сделает отчёт о работе.

Секретарь услужливо поддакнул:

–Этот художник непростительно пренебрегает общением с Вами.

–Так почаще напоминайте ему о трудовых соглашениях.

–Объявить ему выговор или урезать зарплату?

–Пока не стоит. Пойдёмте, глянем: почему мсье Планше задержался на работе.

Мэйс и Исидора вошли в мастерскую. Андре сопел на диване, забравшись на него с ботинками и в одежде. Остальные художники уже ушли.

Леди подошла к спящему. Прочистила голос. Художник приоткрыл один глаз.

Она вменяла ему в вину:

–Ваш работодатель стоит перед Вами, а Вы даже попри-
ветствовать меня не можете?

Тот лениво отвечал:

–Я работал 12 часов, так что сейчас у меня уже выходной.

–Тогда почему Вы не дома лежите, а в мастерской?

–А Вам жалко диван или воздуха?

–Ах, извините, помешала. Сейчас уйду.

–Буду признателен.

И Андре отвернулся от неё.

«Почему этот француз так меня раздражает?»– удивилась себе Исидора. Она замешкалась, не желая уходить.

Нашла причину придраться:

–Но, позвольте, здесь всё моё. Дело принципа. И завод, и мастерская и этот диван.

–Но не я,– сонно отозвался художник.

–И Вы – мой! Я арендую Ваш талант за плату! Почему Вы нарушаете...

–Нарушаю что?– зло переспросил Андре, проснувшись, он продолжал обвинять даму,– Вам, что, аренду за помеще-
ние платить, если нечаянно прикорну? Правильно, что Вы пошли к феминисткам, такой злоке мужа не найти. Хотя нужно было идти к человеконенавистникам.

Леди удивилась себе, что его слова её совсем не расстро-
или, она стала привыкать к его злословию!

Она мягко попросила:

–Ботинки хотя бы снимите, пожалейте диван.

–Боюсь, Ваша слишком эмоциональная натура не выдержит вида, а особенно запаха, моих заштопанных носков.

–Добрых, восстановительных Вам снов, мсье Планше.

–Да-да, мне нужен восстановительный сон. Посплю и буду свеж, буду готов вновь бороться с Вашей дуростью, с идиотизмом Вашего секретаря и придурковатостью подмастерьев...

–Следите за своей речью, мсье Планше. Если Вас окружают одни дураки, значит, Вы их притягиваете. Видимо, Вы их центр.

Андре рассмеялся.

Похвалил, развернув голову к ней:

–А Вы научились держать удар. Приходите ещё, поболтаем.

–Завтра, мсье Планше. Завтра,– улыбаясь, обещала Исидора.

Мистер Мэйс удивлённо смотрел то на хозяйку, то на художника.

Мисс Уинд вошла вечером в мастерскую и молвила:

–Не будите сегодня спать.

Планше с надеждой перебил её под хихиканье подмастерьев:

–Это эротический подтекст?

–Мечтайте дальше! Это намёк на то, что нам надо вовремя

расписать и успеть закончить сервисы к сроку. Один крупный магазин в Лондоне сделал заказ, а мы не успеваем. Плачу двойне за ночную работу. Я остаюсь с вами.

—А при чём тут Вы?

—Ну, я тоже неслабо рисую.

—Ваша щепетильность в этом вопросе похвальна. Но что скажет на это Ваша привилегированная семья?

—А как они узнают?— пожала плечами леди, беря кисточки и краски.

Художники постарались, и к трём ночи успели расписать весь фарфор.

—Мы приблизились к заветной мечте!— ликовала Исидора.

Утром художников и леди Уинд ждал удар судьбы. Кто-то взорвал мастерскую. Осколки разбитого фарфора валялись вокруг здания.

Андре Планше заплакал, жалея свои труды. Его товарищи галдели, ругаясь. Исидора застыла в трансе, глядя на осколки.

Некто из рабочих прибежал с фарфорового завода и сообщил о повреждениях от взрыва и там. Леди Уинд лишь кивнула.

Секретарь Мэйс уважительно сказал госпоже:

—Ваша выдержка шокирует меня.

—Я не отступлюсь от идей и мечты.

—А, если Ваш отец запретит эту деятельность после взры-

вов?

—Отречься от своих планов? Ни за что!

—Кто-то не хочет конкуренции. Я боюсь даже за Вашу жизнь, мисс Уинд.

—По всей Англии взрывают заводы начинающих мастеров. Надо просто удвоить охрану зданий. Буду лично проверять ночью сторожей: спят ли они на рабочем месте.

—Смело и новационно. Проверять сторожей могу и я.

Исидора подошла к плачущему Андре Планше. Приобняла его за локти, утешая.

Говорила ему:

—Да, в этом взрыве и пожаре Вы потеряли более, чем кто-либо.

Мужчина отнял руки от лица в слезах и поднял на неё покрасневшие глаза.

—Исидора, к чему такое стремление построить эту фабрику?

—Я хочу, чтоб все увидели какую красоту создают твои руки, как прекрасны твои идеи.

Андре взял руку леди в свои руки и поцеловал ладонь Исидоры через её перчатку. Она благоразумно отстранилась. Пошла давать распоряжения Мэйсу по поводу покупки нового здания под мастерскую и офис.

Весной художники леди Уинд переехали в новую мастерскую. На этот раз стены здесь были аккуратно отбелены.

Ослепительно белая тюль на огромных окнах. Много подсвечников и канделябров. Здоровенный угловой диван с коричневой замшей и с позолоченными ножками и нижним обрамлением, с декоративным резным верхом в позолоте. Несколько низких подставок под канделябры были под стать дивану из одного комплекта мебели. Стулья и шкаф простые.

Подмастерья вечером ушли, Андре задерживался, дорисовывая эскиз.

В комнату вошла высокая брюнетка с неприятными чертами лица.

–Агата?– удивился мужчина, увидев свою бывшую вторую жену.

Женщина подошла к его мольберту.

–Андре, давай начнём всё с начала. Я слышала, теперь ты получаешь солидную зарплату.

–Значит, за деньги ты согласна помолчать?– уточнял бывший муж.

Агата прошла к дивану и удобно уселась, закинув ногу на ногу.

Говорила:

–Имея хорошие деньги на руках, я буду куда сговорчивей. И вообще ты можешь представить: какой это ужас жить с пьянчужкой? Да ещё и с творческим лицом? Того и жди, что он дом спалит или лоб расшибёт.

Андре поднялся со стула, подошёл к бывшей жене, навис-

нужно над ней.

Упрекал:

—Понимаю — тяжело. Но ребёнок-то мой чем тебе не угождал.

Она передёрнула плечами, уточняла:

—Чужой ребёнок никогда не станет своим и любимым.

—Как я вообще мог жениться на этой злючке?

С порога раздался взволнованный голос Исидоры Уинд:

—Так вот зачем Вам диван, мистер Бланше. Для развлечения!

Француз обернулся к дверям и говорил:

—Попрошу правильно выговаривать мою фамилию! Не Бланше, А Планше! А моя бывшая жена уже уходит.

Но Агата не собиралась уходить, нахально поглядывая на ноготки.

Художник говорил бывшей жене:

—Агата, не усложняй мне жизнь.

Та вперила взгляд в прекрасную юную леди в сиреновом воздушном платье. Ей показалось, что через чопорство в глазах блондинки горит и ревность. Как это может быть?

И отставная жена пообещала мужу:

—Я не оставлю тебя в покое, голубчик. Вспомни, как нам было хорошо вместе.

Андре схватил Агату за руку и буквально вытолкнул за порог мастерской, сетуя работодателю:

—Наняли в охрану непонятно кого, пропускают незнако-

мы личности!

Мужчина закрыл дверь на щеколду.

—Я прикажу забрать диван,— пугала Исидора.

—Из-за Агаты? Да разве Вы не видите, что эта мегера меня шантажировала! А я не поддался на провокацию! Так за что меня наказывать?

Леди прошла к мольберту Планше. Недовольно оглядывала рисунок.

Высказала своё мнение:

—Это ужасно! Смеющийся сатир щиплет за зад Артемиду!

—В прошлый раз Вам не угодил мрачный вид Олимпийский богов, ныне их веселье тоже не по нутру!

—Но этот сюжет пошлостью дышит.

—Зато у обедающих вызовет позитивную улыбку.

—Только у мужланов и холостяков! Благородные леди будут плевать!

—Как Вы сейчас брызгать слюной? Но надо угодить разным категориям вкуса. Кто-то захочет грустных, а кто-то весёлых персонажей. У нас в покупателях будут и те, и те. Подумайте, леди Уинд.

—Рационально мыслишь. Но эту гадость я рисовать на фарфоре не позволю.

Он был ошеломлён её придиричностью, помрачнел.

Исидора удивилась, что он не возражает:

—Почему Вы молчите?

—Боюсь, что, если открою рот, то опять начну Вас ругать.

—О, Вы учитесь проявлять должное уважение и такт.

—Дальнейшее духовное восхождение для меня очевидно, ведь Ваша Августейшая особа требует особого внимания и такта.

Она понимала, что Андре говорит, как всегда, с подковыркой и перешла на крик:

—И правильно! Это Ваша прямая обязанность — слушаться меня! Я за это Вам деньги плачу. Вот такой перфективный, улучшающийся и совершенствующийся Вы мне больше нравитесь.

Но Исидора чуть не плакала. И не знала почему. Она отвернулась от художника.

Он вдруг начал излагать свою биографию:

—В Лорейн меня, тогда совсем молодого и «зелёного», привлекала не столько её миловидность, сколько её доступность. И когда она объявила о беременности, мне просто не было выхода... Агата показалась мне строгой и надёжной... Но какая же это была стерва! Моего сына ежеминутно ругала или упрекала, на меня постоянно орала, требуя то денег, то больше внимания. Короче, вывела так, что жениться больше не манит.

Девушка заговорила мягким, сердечным тоном:

—Вы засиделись допоздна... Пойдёмте домой. Я могу отвезти Вас до дома на карете.

—Буду благодарен,— широко улыбнулся француз.

Исидора вела по коридору в новый офис сестру. Весенний день сегодня тёплый и на сёстрах поверх бежевых платьев короткие чёрные пиджаки. Элизабет согревает плечи шалью, а голову бархатной коричневой высокой шляпкой с бежевым бантом, на котором большая брошь с жемчугом. Чёрная шляпка Исидоры обшита чёрной вуалью с бантом под подбородком, и украшена крупными цветами персикового цвета сбоку у лица.

Младшая сестра говорила:

–Темп моей жизни изменился. Раньше жизнь просто тихо текла, сейчас же несётся стремглав радостно и интересно.

У дверей мастерской художников курил Андре Планше и один из его подмастерьев.

Мужчины поздоровались с дамами, те ответили еле заметным реверансом.

Девушки вошли в кабинет, который на этот раз был более богаче в отделке и уютнее. Три слоя замысловатого молдинга под потолком. Синие ламбрекены и шторы в белый квадратик, белая тюль украшена кистями. Диван и стулья из тёмного дерева с синим сукном. Две подушки на диване из того же материала. Белый камин с подсвечниками из хрусталя. Круглое зеркало над камином, большое квадратное – между окон. На стенах круглые картины в ряд. Красный в цветочек ковёр. Рабочий стол с белым столешником и резными тёмными ножками.

Элизабет заметила сестре:

—У мсье Планше усталый вид. Много работаете?

—Да.

—И он не ропщет?

—Мне кажется, он преобразился в лучшую сторону. Не выражается, более сдержан, бреется даже. Чистенький ходит.

—Прогресс.

—И ещё мне кажется: тот, кто может изображать жизнь так искусно, не может быть плохим.

—Искусство, как духовный фактор... Сократ, да и многие философы, пишут о справедливости и доброте, а творят преступленья и зло... Ты можешь ошибаться в своих выводах. Да о чём вы вообще беседуете? Он не похож на интеллектуала.

—По работе... — уклончиво отвечала Исидора, отворачиваясь.

—А ну-ка посмотри мне в глаза.

Младшая сестра повернулась, робко подняла взгляд. В её глазах читалась некая сумятица и в то же время детская восторженность.

Исидора оправдывалась:

—Мсье Планше знает так много мифов! Разговаривая с ним, я будто попадаю в сказку...

—Думаешь, как мужчина, он могуч? А чего тогда обе жены от него убежали?

—Он сам их выгнал...

—Мужчина не может долго без женщины, он теряет способность удовлетворять женщину.

Младшая сестра в шоке узнавала:

–Боже! Откуда ты всё это знаешь?!

–Дамы из комитета делились опытом...– развела руками

Элизабет.

–А почему ты уверена, что я непременно хочу с ним переспать? Что за бред? У меня чисто деловые отношения.

–Андре Планше красив, а, значит, опасен для женских сердец.

–Заверяю тебя: мы с ним очень далеки друг от друга. Он – мой работник, я выше и чином и положением в обществе.

–Ну-ну...-протянула старшая сестра, затем, проницательно всматриваясь в глаза Исидоры, спрашивала,– А могла бы ты ради любви покончить с собой?

–Нет. Ведь у меня есть искусство. Я уйду в тот сказочный мир и вновь буду счастлива.

Сестра давно ушла, Исидора тоже собиралась уходить, встала из-за стола, но тут в дверь постучали.

–Войдите,– автоматически проговорила леди.

Вошёл Андре Планше.

Узнавал:

–Вы сегодня не будите смотреть работу мастеров?

Девушка сморщилась, просила:

–Говорите потише, мсье Планше, у меня голова болит.

Сестра сделала сюрприз – сменила все подушки в моём съёмном доме...Пока привыкала, все бока провертела...

–О, ужас! Как Вы вообще выжили в таких невероятных и ужасающих условиях?

–Ваша ирония неуместна.

–В моём кругу люди всю жизнь спят на соломе, и ничего, не жалуются. Привыкают, бедолаги, как-то...

Со злости Исидора бросила в него чашку со стола, из которой недавно пила чай. Француз поймал вещь, повесил за дужку на вешалку у дверей.

Обиженно напоминал:

–Весьма польщён Вашими знаками внимания. За нанесение телесных повреждений полагается компенсация.

–Но Вы же поймали чашку! Лгун!

–А если б не поймал? Если б чашка мне пальцы переломала? Вы – настоящий диктатор, мисс Уинд.

–Никогда ранее не замечала за собой такой агрессии... – забормотала девушка.

–Будущий муж, наверняка, будет сажать Вас на цепь. Если вообще кто-либо рискнёт взять в жёны феминистку.

–Как мне надоели эти Ваши отзвуки плохого воспитания...

И вторая чашка, из которой пила её сестра, полетела в голову Планше. Он отскочил, посуда разбилась о дверь.

Художник иронизировал:

–Да, всем давно известны Ваши изысканные манеры, деликатность и утончённость общения, спокойные, мягкие переговоры.

Она выскочила из-за стола, подбежала к нему и стала бить его кулачками по предплечьям.

Он лукаво говорил:

–Если Вы будите так бить и измываться надо мной – боюсь, я долго не протяну.

Исидора опомнилась:

–В самом деле, что это я так разозлилась... Виновата бессонная ночь и больная голова, наверное...

–А вовсе не склочный характер,– подтрунивал Андре.

Девушка отошла на шаг к вешалке, достала из сумочки купюры и протянула их художнику.

–Возьмите, получите свою компенсацию, только умерьте свой пыл острословия, мсье Планше.

Мужчина взял купюры, сунул в карман пиджака. И заключил Исидору в объятия, припав к губам.

Она отстранилась, слабо моля:

–Не надо, моё сердце хрупкое, как фарфор. Я боюсь, что разбившись, сердце не сможет больше никого полюбить.

Андре быстро выскочил из её кабинета.

День ясный, жизнерадостный. Раннее лето ещё не несёт изнурительной жары, но всё уже распустилось и дышит зеленью. Над землёй парят сентиментальные лебеди. Ручей, прячущийся в траве, извивается и искрится, его весёлое журчание, словно голос земли, которая радуется своему процветанию и свежести. Обновлённая своей свежей зеленью природа

жаждет новой потрясающей страсти, усиливая тягу сердец.

Андре Планше с мольбертом рисовал в парке за городом. Рядом бегали пятилетний рыжий сын Джеймс и племянники: девятилетний Даниэль и застенчивая пятилетняя Астерия.

К художнику подошёл друг-трубочист, предложил выпить. Тот отказался.

Франклин Ваттон поразился:

—Отрёкся от Бахуса? Дал зарок?

—Что за глупые замашки давать зароки, обеты... Монахи вон дают обет безбрачия... ничего более нелепого не сыскать! Если они любят Бога, то должны продолжать жизнь! Бог же завещал: «Плодитесь и размножайтесь!».

—А сам-то что не женишься?

—Не нашёл музу.

—Меня ты можешь не обманывать. Ты хочешь спрятаться от любви в другом мире, в мире иллюзий. А вон идёт та, от которой ты и бежишь в страну сказок. Та, что изводит тебя.

К ним шла Исидора Уинд в сиреневом платье. Она купила воздушные бумажные шарики и раздала детям, которые бегали вокруг художника.

Леди поздоровалась с трубочистом:

—Мистер Ваттон.

—Миледи Уинд,— кивнул Фрэнк.

—Какая умильная мордашка у того рыжего мальчугана, как у утёнка или котёнка. Даже плакать хочется,— говорила

Исидора.

– Это мой сын Джеймс, – довёл до сведения служащий.

– А я вот тоже сегодня здесь гуляю... На душе радостно от пения птиц.

– Весна, – кивнул художник.

– Почти лето, – поправил друг-трубочист.

Исидора заглянула в рисунок Андре, изумлялась:

– Как Ваше воображение рождает такие дивные образы?

Вы сразу видите все эти деревья? Эти персонажи?

– Приглядитесь. Вот это дерево растёт возле моего дома... – помогал ей определить француз.

– А эта фея похожа на меня... – выдохнула девушка.

– Может, это муза? – усмехнулся Фрэнк.

Андре зло на него глянул. Трубочист попросался, сняв шляпу, и ушёл.

Леди продолжала изливать лести своему художнику:

– Это чудо, когда из под руки выходят дышащие жизнью олимпийские боги.

Планше поделился:

– Я тоже ликую, когда мои замыслы воплощаются на фарфоре и на рисунке.

– А как это творить? Что Вы чувствуете, когда рисуете?

– Эмоциональный взлёт. Экзальтация.

– Вы испытываете восторг?

– Конечно! Беспредельное счастье творить.

– Поймай белочку! – потребовал Джеймс, дёргая её за юб-

ку.

–Я не умею скакать по деревьям,– рассмеялась Исидора.

–Пусть папа и дальше стоит здесь, а ты пойдёшь играть в мяч с нами,– потребовал мальчик.

–Не приставай к чужым тётям!– одёрнул сына Андре.

–Это не тётя, это же фея!– делая удивлённые глаза, доказывал ребёнок.

Девушка опять рассмеялась.

–Мне не трудно, я поиграю с Вашим сыном,– сказала начальница.

Она отошла на пару шагов, обернулась и заметила:

–А Вы – молодец. Бросили пить.

–Это всё преобразующая сила любви.

–Вы влюблены?– растерянно переспросила Исидора.

–Поговорим об этом завтра, на работе, не хочу, чтоб слышали сын и племянники.

У леди Уинд мяч падал из рук во время игры, она была рассеяна и уже не улыбалась. Затем попрощалась и ушла.

Андре Планше зашёл в кабинет Исидоры только перед уходом с работы, вечером.

С порога он спрашивал:

–Вот Вы девушка образованная, с фантазией, подскажите, что мне подарить будущей жене, чтобы понравиться?

–Можете выбрать любой сервис, я спишу с Вашей зарплаты его стоимость,– ледяным, официальным тоном отвечала

начальница.

–Совсем не романтично идти на свидание с огромной коробкой.

–Тогда я не пойму что надо от меня,– раздражённо заметила Исидора.

–Я же говорю: совет нужен. Какая Вы непонятливая.

–У Вас фантазии гораздо больше, чем у меня. Вот и думайте. Почему я за сотрудников должна решать ещё и житейские проблемы? Да подарите девушке крысу и скажите, что это Ваша вторая натура! И если она полюбит крысу так же, как Вас – Вы созданы друг для друга!

–Дайте мне выходной на завтра.

–Куда-то собираетесь?

–Хочу напиться.

–Непреодолимая тяга к спиртному?

–Вовсе нет. Я должен раскрыть душу закадычному другу.

–Отговорки.

–Я должен получить от лучшего друга совет, я же собрался опять жениться.

–Жениться? Вы?

–Ага, жениться хочу, сколько можно без женщины-то мается... Хочу, чтоб всё прилично было, а не пользоваться дешёвыми...э...женщинами.

–А Вы уверены, что друг даст правильный совет?

–Пьяный друг – самый лучший психолог.

–Я бы могла дать Вам дельный совет.

—Ну, нет, так я не могу получать советы. Мне надо выпить, расслабиться, и чтобы друг поддержал меня в выпивке.

Леди Уинд достала из стола несколько купюр, попросила сотрудника:

—Вот деньги, отнесите кучеру, пусть съездит до ресторана и купит пару бутылок вина.

—Ждёте гостей?

—Буду слушать Ваши проблемы. Или совет начальника Вас не устроит?

—Здесь будите слушать?

—В кабак или к Вам домой я пойти, уж извините, не могу. Через полчаса леди Уинд сидела напротив Планше и вертела в руках бокал с вином.

Как бы невзначай узнавала:

—И на ком же Вы собрались жениться?

—Ну, начнём с того, что она очень молода и очень красива.

—Очень красива?— переспросила Исидора и залпом осушила бокал, причём это получилось у неё как-то моментально.

Художник улыбнулся, видимо, вспоминая невесту, уверял:

—Да, моя будущая суженая прекрасна.

Он подлил начальнице ещё вина. Она выпила.

Девушка пугала:

—А характер? Вдруг Вам опять попадётся безмозглая потаскушка или мегера?

–Нет, моя невеста уравновешенная, спокойная, даже тихая, милая девушка. Вы плачете?

И мужчина вновь наполнил её бокал. Она опять выпила. Заплетающимся языком Исидора бормотала, проливая слёзы:

–Нет-нет, я не плачу, это ресница в глаз залезла.

Андре вскочил и обогнул стол со словами:

–Так давайте, я гляну в Ваш глаз.

–Нет-нет, не приближайтесь ко мне.

Он стоял над ней и насмешливо спрашивал:

–Ну, так что Вы мне посоветуете? Такой скромнице доверите моё счастье?

–Я никому Вас не отдам.

Мужчина опустился перед ней на колени.

И пока он не протянул к ней руки, девушка стала расторопно оправдываться:

–Я никому Вас не отдам потому, что в ближайшее время на работе аврал... Сами понимаете, заказчики требуют выполнения условий. Дорог каждый рабочий на своём месте...

Но Андре всё равно протянул руки к её голове, и её наполнило предвосхищение событий. Да, он опять её поцеловал. Она вовлеклась в яркий хоровод желаний и иллюзий. И хоровод, казалось, кружит всё быстрее, поглощая её целиком, откидывая сомнения.

Но она всё же слабо прошептала, оторвавшись от его губ:

–Я буду звать на помощь.

Он хитро заверил:

–Уверяю Вас: не надо, я постараюсь справиться с Вами сам.

–Я ухожу домой.

–Мы связаны. Ты не уйдёшь.

–Связаны?

–Любовь – нить между двумя душами.

Мужчина взял её на руки и кинулся целовать её так страстно, что у неё не было ни сил, ни желания на сопротивление. Он покрыл поцелуями и лицо, и шею, затем перешёл на грудь. А после, словно опомнившись, прильнул к губам так жарко, словно её губы – источник, а он в пустыне не пил не менее недели.

–Пора просыпаться и украсить собою этот мир,– прозвучал голос Андре Планше.

Исидора подскочила на своём диване. И тут же натянула штору по самые уши, которой её укрыл ночью любовник.

За окнами было раннее утро.

Мужчина стоял посреди комнаты в рубашке и кальсонах и подшучивал:

–Поздновато Вы спохватились думать о соблюдении правил и приличий.

–Вы соблазнили меня!

–Я же говорил неоднократно о своей подлости. И люди Вас предупреждали... Конечно, я воспользовался моментом,

когда Вы были в мягких лапах алкоголя, иначе я никогда б Вас не заполучил...

Его глаза разгорались, он приближался к ней. Она затрепетала, вспоминая нежности ночи.

Запричитала:

–Вы больше не посмеете... Вчерашний вечер был ошибкой...

–Ошибка? Так почему же Вы не убегаете со всех ног от подлого искушителя?

Она не успела обдумать эту очевидность, как его губы накрыли её уста. Как он смеет распорядиться ею?!

Когда Андре стал целовать ей шею, Исидора попыталась задать этот вопрос ему:

–По какому праву Вы распорядитесь мною?

–Ты моя, – жарко дыхнул он ей в лицо, – Повтори это.

И он с силой прижал её к своей груди.

–Я... твоя, – безропотно согласилась девушка.

После взлёта небывалой страсти, когда её тело познало блаженство, Исидора в изнеможении лежала в объятиях Андре.

А он насмешливо говорил:

–Теперь ты понимаешь, как важно слушаться мужа и принадлежать мужчине? И ты хотела отнять у себя всё это?

–Я была глупа.

–Ваш Дамский комитет не должен существовать.

–Да, – со смехом подтвердила Исидора.

Француз играл языком с её ухом.

Вдруг она напряглась и предъявила:

–Вы – подлый изменщик.

–Я?

–Вы изменили невесте.

–Хотите знать её имя?

–А я её знаю?

–Знаете, но не так хорошо, как думаете.

–Она работает у нас?

–Да.

–Ах, ты гад! Флиртовал у меня за спиной!

–Надеюсь, и впредь буду играть и с Вашей спиной...и с другими частями тела.

–Слезь с меня!

–Её зовут Исидора Уинд.

Девушка застыла.

–Так ты меня разыграл?

–А разве ты теперь не моя невеста? Выйдешь за меня за-
муж? Я не хочу в жёны никого другого.

–Да, я выйду замуж за любимого человека, за тебя. И ни-
кто меня не остановит.

Появившись на пороге комнаты сестры Элизабет, Исидо-
ра доложила той, что выйдет замуж за Андре Планше.

Та еле выговорила:

–Он...совершал определённые действия интимного ха-

рактера с тобой?

Младшая сестра в ответ утвердительно кивнула. И её глаза при этом сияли радостью! Позор!

Элизабет допытывалась:

–Ты пошла в его постель, как кроткая овечка или он силой принудил тебя к близости? И тогда его надлежит повесить?

–Мы любим друг друга!

–Понятно: чувства лишены логики.

–А по-моему: очень выгодный брак. Будем вместе создавать завод.

–Сплотились вокруг идеала...Просто совокупность устремлений, возвышающих на заоблачную идиллию.

–Можешь иронизировать сколько хочешь, только Андре я ни на кого не променяю.

–И этот алкоголик твой идеал? Думаешь, этот, выросший в грязи, крестьянин поймёт нежные устремления твоей души?

–Разделив тело с мужчиной, я почувствовала нашу целостность с ним! Поняла фундаментальную гармонию существа! Постигла смысл в продолжении рода... В любви, наконец! Это так окрыляет, когда ты кого-то любишь!

В комнату вошёл отец.

–Исидора?– удивился он,– Что-нибудь с заводом?

Элизабет доложила:

–Разрешить конфликтную ситуацию без споров уже не удастся. Наша Исидора собралась замуж за художника.

Младший отпрыск семейства угрожающе добавила:

–Если Общество Старого Света меня не поймёт, мы уедем в Новый Свет, где благосклонно относятся к любым бракам...

Лорд запричитал:

–Так фатально разрушить доброе имя своего отца...

Исидора обиженно переспросила:

–Папа, так Вы более всего печётесь не обо мне, а о своей незапятнанной фамилии?

–Теперь запятнанной! Лучше б ты, как сестра, оставалась старой девой! Это твоё решение о браке?

–Инициатива исходит от обоих.

Отец иронизировал:

–Слава феминизму! Девушка-аристократка выходит замуж за пролетария!

–Он не пролетарий, он – богемный художник, – поправила младшая дочь.

–Ах, извините! Это такая большая разница! У него, видимо, денег полные мешки, раз он – богемный художник! Или в ваше время деньги не важны? Запомни: деньги всегда будут важны.

–Общественный строй пора давно менять. Он устарел. А общество вливаются богатые фабриканты и мануфактурщики, а у многих нет даже образования.

–И ты желаешь мужа без образования...

–Я дам ему нужное образование.

–Исидора, запомни: если человек пьёт, то это навсегда.

–Так Вы, папа, втихую наводили сведения о человеке, с кем я работаю?

–Ты проводила с ним слишком много времени...Знай: я скорее разрешу тебе сочетаться с портретом, как баронесса Рейхштадская вышла замуж за приведение замка Гейдрика, где роль жениха на свадьбе исполнял его портрет, чем дам согласие на брак с нищим художником.

–Уеду в Новый Свет.

–Лишу наследства.

Элизабет схватилась за голову.

Исидора наивно отвечала:

–Люди хорошие помогут.

Лорд Джон захихикал:

–Необычное видение мира. Я уверен: дела в мире обстоят в точности до наоборот. Всем нет дела до соседа. Мир жесток и коварен.

–Мне совсем ничего нельзя забрать из дома?– уточнила младшая ветвь рода.

Её старшая сестра держала руками уже рот.

Отец стенал:

–Предать семью ради любви, отречься от роскошного быта ради мечты... Стоит ли любовь таких великих жертв? Любовь – услада эгоизма, любовь обманчива и мимолётна.

–Не знаю о ком Вы говорите. Мои чувства крепки.

–Завод пока останется за тобой. Можешь побыть с сест-

рой.

Граф вышел.

В каморку к Андре вошёл лорд Джон Уинд Хит с сигарой в зубах.

Художник, который стоял с кистью у мольберта, спросил:

—С какой целью и какими намереньями пожаловали, светлейший граф?

—Прекрати балаган, шут.

—Я не отступлюсь от Вашей дочери.

Лорд бросил сигару на пол.

Грозно хрипел на молодого человека, покраснев:

—Кости переломаю.

—Не боюсь.

Джон Уинд Хит прошёлся по комнате, рассуждая:

—Китайская пословица: «Бриллиант, упавший в грязь, всё равно останется бриллиантом. А пыль, поднявшаяся до небес, так и останется пылью». Тебе разве наплевать на Исидору? Её не примут ни в одном приличном доме Англии, если она выйдет за тебя замуж. Ты, необразованный должным образом, скоро ей наскучишь. А поговорить ей будет не с кем. И в своём заточении она будет винить тебя. А ещё я лишу её наследства.

Не успел уйти лорд Уинд Хит, как к Андре пожаловала

Исидора. Её удивил унылый вид любовника, сидящего на постели.

–Ты не хочешь меня поцеловать?– поражалась она,– Я ушла из семьи, но всё равно счастлива, ведь у меня теперь есть ты.

–Ах, милая моя, ты счастлива...Но разве можно верить пьяному? Я лгал тебе.

–Зачем?

–Как зачем? Выпил и хотел плотских забав!

Тут девушка заметила на полу окурки сигары отца.

Она протянула:

–Мой отец был сегодня у тебя...И ты так быстро сдался?

Исидора подошла к Андре, села рядом, обняла за плечи.

Тот бормотал:

–Прости меня, я разбил твою жизнь. Я вырвал тебя из тёплого местечка во дворце, где ты не знала ни о голоде, ни о нужде. Ты родилась богатой, а ныне ты нищая, без роду и племени...

–Что ты говоришь, Андре? У меня есть целый мир. Я могу пойти куда захочу, поселиться в любой стране. И у меня есть ты, и потому мне не страшно идти. Я счастлива.

Мужчина воспрял:

–Вместе мы одолеем всё!

И слился поцелуем с любимой.

Мисс Оливия Джонсон, округлив глаза, заметила мисс

графине Элизабет Хит в Дамском комитете:

–От Вашей сестры я не ожидала таких неустойчивых взглядов.

–Она так красива, желанна и притягательна для мужчин...

–Я бы поняла Исидору, если б она связала себя с образованным и богатым фабрикантом...

–Если б такие водились повсеместно, то нужды в Дамском комитете бы не было. Её избранник талантлив, а одарённые люди умеют увлечь.

Исидора поставила на полку нового шкафа в своём кабинете «Библию». Муж погладил её руку.

Говорил:

–В Средние века Святому Духу приписывали сочинение двух книг: «Библии» и всего нашего мира.

–Андре, думаешь, Бог заранее хотел столкнуть нас на жизненном пути?

–А иначе, как бы я избавился от отчаянья?

В оформлении обложки лицо на фото автора в рамке из play Маркет «Fantasy Photo Frame».